

Волчий лог

Автор:

Делия Росси

Волчий лог

Делия Росси

Можно ли забыть причиненное зло? Можно ли выстроить жизнь заново и отказаться от мести? А что, если поговорка права и у старых грехов действительно длинные тени? Две девушки, два характера, две судьбы. Ника и Инга. Обе они живут в Волчьем Логе, но у каждой свой путь и свои радости и горести. Одна – пришедшая, получившая в наследство дом в элитном поселке и переехавшая в Волчий Лог из столицы. Вторая – местная, родившаяся и выросшая в Логе. Как пересекутся их пути? Что из этого выйдет? И сумеет ли каждая из них найти свое счастье? Содержит нецензурную брань.

Делия Росси

Волчий лог

...Тишина. Страшная, зловещая. После недавнего грохота мне показалось, что я оглохла и ослепла одновременно. Еще и эта темнота... Она была тревожной, в ней явственно ощущалось, что случилось что-то нехорошее, что-то такое, что навсегда разделит мою жизнь на до и после. То предчувствие, что мучило меня уже несколько дней, обретало плоть, становилось живым, настоящим, подлинным.

Ступеньки... Ноги с трудом преодолевают их одну за другой. Медленно. Тяжело. Так, будто к каждой ступне привязан мешок с камнями. Светлые деревянные

перила, отполированные сотнями рук, кажутся холодными, и этот холод течет по пальцам, проникает под кожу, доходит до сердца и обосновывается там, чтобы остаться навсегда...

Глава 1

Ника

– Все, мы на месте, – доложил водитель. – Можете выходить.

Я оторвалась от телефона и удивленно уставилась в окно. Солидный пропускной пункт, шлагбаум, елки, густо растущие по обеим сторонам дороги. Странно. Я ожидала увидеть совсем другую картину.

– Выходить? Я думала, вы меня до дома довезете.

– Девушка, вы не видите? Тут охрана.

– И что?

– В поселок нас на машине не пустят.

– Почему?

– Правила у них в Волчьем Логе такие, – неохотно буркнул водитель, поглубже натягивая кепку.

– Дурацкие правила!

– Не знаю, не мной писаны.

Шофер щелкнул зажигалкой, прикурил сигарету и глубоко затянулся.

– Нет, так не пойдет! Как это, на машине не пускать?

Я отмахнулась от поплывшего в мою сторону дыма, отстегнула ремень и уверенно заявила:

– Сейчас поговорю и все решу.

Угу. Поговорила. Громила-охранник равнодушно выслушал мою эмоциональную тираду, коротко ответил: «не положено!» и скрылся в недрах КПП.

А я осталась стоять перед шлагбаумом. Не одна. С чемоданом, корзинкой и двумя сумками.

Это водитель подсуетился. Выгрузил быстренько мои вещи и слинял. Добрый человек, чтоб ему хорошо жилось!

– Эй!

Я попыталась привлечь внимание охранника громким криком и улыбкой. Не, улыбка, конечно, так себе вышла. Мороз крепчал, и губы никак не хотели растягиваться в дружелюбный оскал, но я справилась.

– Что надо? – поинтересовался громила, разглядывая меня угрюмым взглядом.

На всякий случай улыбнулась еще шире и ответила:

– Мне на Лиственную улицу нужно. У вас тут автобусы есть?

– Нет, – коротко отрезал охранник.

Его темные глаза нехорошо блеснули, и я невольно попятилась. Правда, тут же вспомнила, что отступить мне некуда, да и не привыкла, поэтому сделала шаг вперед и мило попросила:

– Но вы ведь не откажетесь мне помочь?

Так, теперь еще пару взмахов ресничками – и дело сделано.

Мужчина неохотно кивнул и нажал на пульт. Шлагбаум медленно пополз вверх.

– Прямо и направо, – пробасил громила.

– Что? – переспросила я.

Верить в происходящее не хотелось.

– Лиственная улица, – пояснил охранник. – Прямо по главной, на перекрестке – направо.

– Но...

Я растерянно посмотрела на чемодан, перевела взгляд на сумки и обреченно вздохнула.

– Я могу вызвать от вас такси?

– У нас нет такси.

– Ну хоть что-нибудь! Лошадь, телега... Что-то же у вас в деревне есть?

– У нас не деревня.

– Да какая разница? По дорогам у вас кто-нибудь ездит?

– Прямо и направо, – невозмутимо повторил охранник и скрылся в своей комфортабельной будке, а я осталась. С чемоданом. И с сумками. И с начинающим замерзать носом.

– Ну и ладно, – скорчила рожицу закрывшейся двери. – Сама справлюсь.

Правда, через полчаса от этой уверенности почти ничего не осталось. Улица тянулась, перекрестка так и не было, рук я почти не чувствовала, а сумки, оттягивающие плечи, становились все тяжелее. И ведь ни одного прохожего, даже самого завалященького! Жители поселка будто вымерли!

С каждым шагом я была все ближе к тому, чтобы проклясть двоюродного дядюшку, оставившего мне домик в этой элитной тмутаракани. Нет, это вчера я радовалась, что стала обладателем ценной недвижимости. Еще бы! Пять лет мыкаться по съемным квартирам и вдруг узнать, что какой-то неизвестный родственник оставил мне дом в ста километрах от столицы. Ну и что, что название поселка с трудом удалось найти на карте? Главное, что я смогу уехать из своего клоповника и зажить нормальной оседлой жизнью. Ну это я так думала до того, как оказалась на бесконечной пустынной улице со всеми своими вещами.

Блин, да где этот проклятый перекресток?

Я остановилась, сбросила сумки и подтянула чемодан. Усевшись на него, сняла перчатки и посмотрела на красные, будто ошпаренные пальцы. М-да. Красота.

«Вот тебе и новая жизнь, Никуша», – вздохнула и покосилась на ближайший дом. А ничего так «избушка». Два этажа, серая крыша из какого-то навороченного современного профиля, вдоль первого этажа тянется просторная застекленная веранда. Наверное, летом там уютно пить чай и любоваться рассветом. Или закатом. А может даже...

– Вы к кому?

Глубокий мужской баритон, раздавшийся за спиной, заставил меня подскочить и обернуться.

Взгляд уперся в пуговицу. Гладкую, черную, с двумя дырочками. Она маячила перед моим носом, отвлекая внимание и не позволяя разглядеть, что находится выше. Преодолев непонятный ступор, задрала голову.

– Девушка, вы услышали мой вопрос? – произнесли твердые мужские губы. Красивые такие, четко очерченные.

– Что?

– Я спрашиваю, вы к кому приехали? – терпеливо повторил незнакомец.

А глаза у него тоже ничего. Янтарные, горячие. С искорками.

– К себе, – не отрываясь от гипнотизирующей желтизны, ответила местному мачо.

– Куда? – недоуменно переспросил мужчина.

– Домой, – пояснила я, поймав себя на мысли, что не прочь бы познакомиться с собеседником поближе. Можно было бы пригласить его на чай, разговорить, узнать, кто он и...

– Адрес, – четко выговорил мужчина, вырывая меня из мечтаний.

И это был не столько вопрос, сколько приказ. Я даже почувствовала, что готова вытянуться по струнке и взять под козырек. Или как там положено?

– Лиственная, сто двадцать семь, – машинально пробормотала заученную фразу.

А чего это вдруг так тихо стало?

Я удивленно посмотрела на застывшее лицо незнакомца. Оно и до того не отличалось повышенным дружелюбием, а теперь так и вовсе заledenело.

– Сто двадцать семь, – задумчиво повторил мужчина. – Вот значит как, – он окинул меня более внимательным взглядом и добавил: – Что же, идем.

Провожатый подхватил мой чемодан, легко закинул на плечо обе сумки и быстро пошел вперед.

Мне только и оставалось, что взять корзинку и двинуться следом.

Шли долго. И молча.

Нет, я, конечно, пыталась завязать светскую беседу, только вот общаться с чужой спиной оказалось не очень интересно, какой бы широкой она ни была. Пришлось сдаться. Похоже, планы по более близкому знакомству накрылись медным тазом. Мачо оказался равнодушен к моей красоте.

«Это все мороз виноват, – утешила я себя. – Кому понравится девица с красными от холода щеками и посиневшим носом? Вот если бы мы встретились в более подходящей обстановке, тогда, может, что-нибудь и вышло бы».

Мужчина шел быстро, а моя поклажа в его руках казалась игрушечной.

Я торопливо бежала следом и даже не успела заметить, как мы дошли до перекрестка, свернули направо и миновали большую часть улицы. Дома-дома, дворцы-дворцы... В смысле, шли мы мимо немаленьких таких особнячков. Я только сейчас поняла, что в поселке нет ни одного одноэтажного строения. Ну, не считая КПП.

– Ключи, – коротко приказал мой сопровождающий, останавливаясь у высокого кирпичного забора. Что было за ним, я не увидела.

– Спасибо за помощь, но дальше я сама разберусь.

– Я не спрашивал, разберетесь вы или нет. Я просто велел дать мне ключи.

В мою сторону протянулась крупная ладонь.

– Я жду.

Я поставила корзинку на чемодан и демонстративно сунула руки в карманы пуховика.

– Зря, – оценил этот демарш незнакомец.

Он спокойно открыл мою сумку, вытащил оттуда большую связку, доставшуюся мне в наследство вместе с бумагами, и выбрал длинный, причудливой формы ключ.

– Вы... Да как вы посмели трогать мои вещи? – возмутилась я.

Сумка так и осталась открытой, выставляя напоказ собранную впопыхах одежду. По закону подлости сверху оказался именно прозрачный пакет с бельем. Он ярко алел кружевом трусиков и кокетливо «подмигивал» застежкой бюстгальтера.

– То есть я должен был бросить вас замерзать, лишь бы не притрагиваться к вашим вещам? – иронично уточнил незнакомец.

– Я не это имела в виду! Ой, да что я объясняю?! Вы ведь и так все поняли!

Вместо ответа мой непрошибаемый попутчик вставил в замок ключ, открыл калитку и вошел во двор.

Я торопливо ввалилась следом. И застыла.

Красный кирпичный домик выглядел просто игрушечным на фоне возвышающихся по соседству монструозных дворцов. Круглые башенки на его черепичной крыше были такими забавными, что я невольно улыбнулась. Сказка... Настоящая сказка! И она теперь целиком и полностью моя!

Сердце радостно дернулось и забилось быстро-быстро. Неужели у меня наконец появилось свое собственное жилье?

Я уже заранее любила и этот заснеженный двор, и покосившееся деревянное крылечко, и старый погнутый флюгер, громким скрипом переговаривающийся с ветром. Трудно было понять, что за существо изображено на темном металле – то ли петух, то ли кошка с задранной хвостом.

– Вы идете? – поторопил меня незнакомец.

А я все никак не могла сдвинуться с места, разглядывая, как на самом деле выглядят указанные в бумагах пятьдесят квадратных метров.

– Эй! Вы что, действительно плохо слышите?

В голосе мужчины прозвучало нетерпение.

– Иду, – встряхнувшись, ответила я и двинулась вперед, навстречу новой жизни.

Дверь открылась с тихим скрежетом. Большой висячий замок глухо звякнул, ударившись о деревянное полотно, и жалобно повис на ржавой петле. Станный запор для жилого дома, больше для какого-нибудь амбара подходит.

– Осторожно, не ударьтесь о притолоку, – предупредил провожатый, пропуская меня вперед.

Я невольно пригнулась, входя в темные сени, и только потом подумала, что с моим небольшим ростом можно было не беспокоиться. И так бы прошла.

– Сейчас свет включу, – негромко произнес мачо.

Раздался тихий щелчок, и в ту же секунду под потолком вспыхнула лампочка. Она была без абажура, просто висела на проводе, вкрученная в черный патрон. Этакий символ одиночества и безнадежной бедности.

Я огляделась вокруг.

Взгляд выхватил сваленные в углу погнутые цинковые ведра и ветхие тряпки, прошелся по грязным стеклам небольшого, фигурно вырезанного окошка и остановился на перевернутом деревянном кресле. М-да. Внутри все было не так благостно, как снаружи, и отвратительно пахло сыростью и мышами.

Я машинально погладила крышку, закрывающую корзинку, и повернулась к попутчику.

– Спасибо вам за помощь, но дальше я сама.

– Уверены, что справитесь?

Во взгляде мужчины мелькнула какая-то непонятная эмоция. Мне даже показалось, что это жалость, но поскольку я ее не терпела, то решила, что мне привиделось. Мало ли, может, отблеск живого янтаря сыграл со мной злую шутку? Действительно, чего меня жалеть?

– Абсолютно.

Я решительно улыбнулась и достала из корзинки рыжий взъерошенный комок. Маленькие коготки тут же вцепились в мою руку.

– У меня вон и помощник есть, – погладила своего ершистого питомца.

Незнакомец посмотрел на котенка, усмехнулся, отчего в уголках его глаз образовались морщинки, и провел ладонью по волосам.

– Мы с ним живо порядок наведем, – неизвестно зачем пояснила я.

Можно было обойтись и без этого, но как всегда, когда волновалась, язык сам нес новость что.

– Ну-ну, – хмыкнул мужчина и, не попрощавшись, развернулся и вышел из дома.

– Совершенно невозможный тип, да, Крыся? – фыркнула я, открыв дверь в прихожую и спуская питомца на пол. – Ну что? Как тебе наше новое жилье? Нравится?

Я посмотрела на кошарика и улыбнулась. Мой смелый лев! Боится, но не показывает своего страха. Гордый. Только я ведь все равно вижу. Вон как шерстка дыбом встала. И вокруг шеи «грива» топорщится.

Котенок осторожно прошелся по грязному домотканому половику, просочился на кухню и ловко вспрыгнул на стоящую у стола табуретку.

– Что, уже и место себе застолбил? Молодец. Отобрал у хозяйки единственный стул.

Я не преувеличивала. Именно отобрал. Несмотря на размеры, Крыся был большим наглецом. Если уж облюбовал какую-то вещь, то все, не отдаст. Приватизирует в единоличное пользование.

Усмехнувшись, потрепала кошарика по голове и отправилась осматривать владения.

Кухня, гостиная, спальня. Небольшие, обставленные старомодной мебелью, запущенные. Если тут и убирались, то очень давно. Вот, что это за хлам в углу? Какие-то коробки, тряпки, обломки мебели. А шторы? Выцветшие, пыльные, с потрепанными краями. Про ковер и говорить нечего – без слез не взглянешь! Плита на кухне давно потеряла свою белизну, раковина – тоже. Шкафы заросли жиром и грязью.

Я внимательно оценивала фронт работ, прикидывая, что из вещей выкинуть, а что еще можно привести в божеский вид.

Пройдясь по всему дому, села на продавленный диван и подвела итог. Жить можно. Тем более что все необходимое для этого есть – газ, вода, канализация, отопление. Требовалось всего ничего – разобрать, отмыть, проветрить и выкинуть мусор. Ну, к подобному мне не привыкать. Каждое новое заселение начинается именно с этого алгоритма. Золотой стандарт, так сказать. Любое съемное жилье, на которое хватало моих небольших доходов, всегда нуждалось в доведении до ума. И я доводила. Вернее, наводила – уют, чистоту, порядок. И только после этого могла спокойно жить. До очередного переезда.

– Крысь, есть хочешь?

С табуретки донеслось истошное мяуканье.

Ну кто бы сомневался?

Я открыла кошачьи консервы, обеспечила питомца едой и спокойно выдохнула. Все. Крыся нейтрализован. Поест, умоется и задряхнет на облюбованном стуле.

А я... А мне предстоит работа.

Я вытащила из кучи в сених старое металлическое ведро, нагрела воды и принялась за уборку.

За окнами бесконечно сыпал снег, тусклое декабрьское солнышко стремительно двигалось к закату, а я все драила, чистила, мыла. Как заведенная. Еще бы! Мое первое собственное жилье. Мое! Собственное!

«И все равно, под звуки поцелуев мы уснем и проснемся, – громко пела я, пританцовывая и оттирая кухонный шкаф. – Вместе проснемся...»

Та-а-ак, одно круговое движение бедрами, два – тряпкой.

«Вместе проснемся», – повторила слова незамысловатого хита, насухо протерла зеленую, как выяснилось, столешницу, и в этот момент услышала за спиной громкий кашель.

Резко обернувшись, уткнулась носом в пуговицу. Черную. Гладкую. С двумя дырочками.

Поднимая взгляд, уже знала, что увижу дальше. Четко очерченные губы. Янтарные глаза. Нос с горбинкой.

– И снова, здравствуйте, – иронично поприветствовала своего недавнего провожатого.

– Есть разговор, – не обращая внимания на мою иронию, коротко заметил тот и, подхватив Крысю, освободил табуретку.

Кошарик, очнувшись от сладкого сна, сначала замер в огромной ладони, а потом истошно замяукал и стал ожесточенно вырываться.

– Зеленки в доме нет, – предупредила я, а сама, не отрываясь, глядела на крупную руку, на которой мой котенок смотрелся маленьким рыжим комочком.

– Что? – переспросил незнакомец.

Вот, кстати, странность – почему он до сих пор не представился?

– Нечем, говорю, ссадины обрабатывать, – пояснила я, – так что, лучше отпустите Крысю, пока он вас всего не исполосовал.

– Да это, я смотрю, не кот, а тигр, – хмыкнул гость.

Он опустил котенка на пол и слегка подтолкнул в мою сторону.

Крыся рассерженно зашипел. Его яркая шерсть встала дыбом, спинка выгнулась горбом, пушистый хвост воинственно задрался.

– Иди уже, герой, – усмехнулся мужчина, но тут же посерьезнел и обратился ко мне: – Присаживайтесь.

Он указал на табуретку.

– Что вы, все лучшее – гостям, – усмехнулась в ответ. – Располагайтесь, я постою.

Янтарные глаза мрачно блеснули. На щеках появились желваки, но тут же исчезли. Похоже, мужик умеет держать себя в руках.

– Что ж, не хотите – дело ваше, – спокойно произнес гость.

Он подошел к столу и выложил на него пять внушительных пачек. Зелененьких таких. Ровненьких. С бумажными опоясками.

– Вот деньги за эту халupu, – без долгих предисловий, отчеканил он.

– Чего?

Я даже растерялась от неожиданности. Ничего себе заявочка!

– Нет, все-таки со слухом у вас проблемы.

Мужчина посмотрел на меня с жалостью.

– Я покупаю твою развалюху, – громко повторил он.

– Вы что делаете? Покупаете?

Смысл сказанного медленно доходил до меня, и я чувствовала, как внутри, там, где еще так недавно было светло и радостно, вскипает злость.

– Да.

Короткое, емкое слово прозвучало, как выстрел.

Я посмотрела на гостя, отложила тряпку и воинственно выпятила грудь. Не сказать, чтобы она у меня такая уж внушительная, но на третий размер наберется. Вот весь этот размер я и выдвинула вперед, а для пущего эффекта еще и руки в бока уперла.

– Ага. Сейчас, – насмешливо посмотрела на незнакомца. – Разбежались!

– Здесь пятьдесят тысяч, – ровно произнес тот, а потом посмотрел на меня и счел нужным пояснить: – Долларов.

– И что?

– Мало? Хорошо.

На стол легла еще одна зелененькая пачка. Потоньше.

– Устроит?

Я молча покачала головой.

– Этой халабуде красная цена – пол ляма. Деревянных.

Мужчина грозно нахмурился. На его щеках снова заиграли желваки.

– В чем проблема? Больше тебе все равно никто не даст.

Я посмотрела на него с жалостью. Такой неглупый на вид, а ничего не понимает.

– Эта, как вы выразились, халабуда – мой дом. И я не собираюсь его продавать, – доходчиво пояснила незваному гостю.

– По-хорошему, значит, не хочешь? – пристально посмотрев мне в глаза, уточнил незнакомец.

– Не-а, – равнодушно ответила я и снова взялась за тряпку. – Не хочу. И видеть вас больше тоже не хочу, так что не трудитесь приходить. Выставляю.

– Выставишь? – в голосе мужчины послышалось веселье. – Н-да. Что кот, что хозяйка. Сразу видно, одной породы – рыжие, упрямые и... дурные.

– Вы еще здесь?

Жирное пятно с холодильника оттерлось на раз. Тряпка в руках почти превратилась в снаряд, который мне так и хотелось метнуть в самодовольного мачо.

– А почему Крыся?

– Что? – сдерживаясь из последних сил, переспросила я.

– Почему такая глупая кличка?

– Вообще-то, Крысь он только для меня, а для посторонних – Кристиан.

– Кристиан? – со смешком, повторил незнакомец. – Благородных кровей, значит?

– Знаете, я, конечно, благодарна за помощь, только это не дает вам права врываться в мой дом, предлагать мне деньги и смеяться над моим котом.

– Смеяться? Боже упаси! Не имею такой привычки.

– Да? Поверю вам на слово, – повернувшись, посмотрела на гостя, а потом многозначительно покосилась на дверь. – Вы, кажется, собирались уходить?

– Ну-ну, – хмыкнул незнакомец. – Еще увидимся.

– Не обольщайтесь.

Дверь захлопнулась, а я подошла к окну, размышляя о том, почему все красивые мужики такие козлы. Прямо как селекция какая-то! Скольких знала, хоть бы один нормальным оказался! Вот и этот из общей породы.

«Я покупаю твою развалюху», – передразнила незнакомца.

И ничего и не развалюха. Вполне себе крепкий домик. А то, что маленький, так это даже плюс. Куда мне хоромы? Все равно одна. И запросы у меня скромные. И доходы, опять же. Скромные.

Я усмехнулась, наблюдая, как незванный гость идет к калитке. Покупатель, блин... Да я, может, впервые почувствовала, что такое собственный дом! А он – халабуда, халупа...

– Крыся, ты голодный?

Кошарик, обрадованный уходом интервента, громко мяукнул.

– Действительно, кого я спрашиваю?

Я выложила в миску очередную порцию корма.

– Знаешь, Крысь, мне кажется, наш гость не понял, что мы больше не хотим его видеть.

Кот согласно заурчал.

– И, вообще, он из настырных. Такой не отступится.

В ответ раздалось смачное чавканье.

– С кем я говорю? Ты ведь тоже мужик! Пусть маленький и кошачий, но все-таки...

Я махнула рукой, отложила тряпку и бухнула на отмытую плиту большой эмалированный чайник. Достала из холодильника свои скудные припасы, настрогала салатик, отрезала тонкий ломтик колбасы, уложила его на толстый ломоть хлеба и довольно улыбнулась. Все. Ужин готов.

Спустя пять минут я уже сидела за столом, попивала чай и млела от счастья, разглядывая чистую кухню. И в тот момент мне казалось, что это самая лучшая кухня на свете.

Теплый свет от старомодного абажура, легкий парок над чашкой, горшок с геранью на подоконнике, тикающие ходики. Как ни странно, в окружении этих вещей я ощущала себя удивительно к месту. И уже могла представить свою дальнейшую жизнь – мирную, спокойную, неспешную. С долгими завтраками и неторопливыми ужинами, с походами в лес за грибами и поездками в ближайший город за покупками. С уютными зимними вечерами и короткими летними ночами. Не жизнь – мечта!

Пока я чаевничала, за окном окончательно стемнело.

Тихий стук, долетевший из комнаты, заставил удивленно прислушаться. Странно. Такое ощущение, что хлопает оторванный ставень. Только вот проблема – никаких ставней в доставшемся мне доме не было.

Поднялась из-за стола, прихватила для храбрости веник и двинулась в гостиную.

Звук стал громче. И раздавался он от окна.

Я включила свет и в тот же миг увидела метнувшуюся по стене тень. По спине пробежали мурашки, но я не собиралась поддаваться страху.

– Ну и что тут у нас за привидение завелось? – иронично уточнила у смолкнувшего пространства.

Пространство отвечать не пожелало. Так и есть, померещилось.

– Захочешь есть – приходи на кухню, – пошутила я и, не дожидаясь реакции на свои слова, вскинула на плечо веник и вышла из комнаты.

Первая ночь в незнакомом доме спровоцировала меня на глупость.

Укладываясь спать, я дважды перевернула подушку и прошептала: «На новом месте приснись жених невесте!». Бред, конечно. Какой жених? Зачем он мне, вообще, нужен? Но неискоренимый женский прагматизм убежденно заявил: «делай как положено, и не умничай!». Вот я и сделала.

Спала крепко. Но недолго.

Проснувшись от ощущения чужого взгляда. Ага. Так и есть. В темноте, примерно в метре от кровати, тускло светились два желтоватых огонька.

– Чего стоим и смотрим? – ляпнула с испугу.

Страх взял за горло холодной рукой, но я от него отмахнулась и продолжила:

– Эй! Ты хоть отзовись, что ли! Или ты немой?

В ответ донеслось еле слышное фырканье.

– Ну по крайней мере, не глухой, – пробормотала я.

Сердце испуганно колотилось в груди, а язык, как всегда в таких случаях, болтал невесть что. Я пыталась разглядеть ночного гостя, но кроме светящихся глаз ничего больше не увидела. И почему не догадалась лампу в прихожей включенной оставить? И шторы, как назло, задернула.

– Может, скажешь что-нибудь?

Неизвестное существо не подавало ни звука, а я пыталась вспомнить, сколько времени прошло с дядиных похорон. Вроде бы, месяц. Значит, если верить народным приметам, его душа еще где-то здесь, между небом и землей, бродит по местам проживания. Ага. А я как раз в одном из таких мест обретаюсь. И сижу на кровати, на которой дядя в мир иной отошел.

– Нет? Не хочешь говорить? Ну хоть анекдот вспомни, чего без дела-то стоять?

Темнота чуть слышно вздохнула. Помолчала. Вздохнула еще раз. А потом раздался тихий шорох, и загадочные глаза исчезли.

Вместе с ними исчезло и мое глупое бесстрашие. Руки задрожали, дыхание сбилось, по телу прокатился озноб.

– Эй! – тихо позвала я. – Ты еще здесь?

Ответом мне была глухая тишина.

Осторожно поднявшись, включила свет и огляделась. Никаких следов ночного гостя. Неужели показалось?

Еще раз внимательно осмотрела комнату, выглянула в гостиную, не поленилась сходить на кухню и проверила входную дверь. Все закрыто.

М-да. И что это было? Привидение? Неужто правда дядюшкин дух пожаловал? А что? Может, родственнику интересно, как я тут устроилась? Жаль, что мы с ним никогда не виделись при жизни.

А если это не привидение, то кто? Глюки?

Я покачала головой, вернулась в спальню и легла. Подушку переворачивать не стала. И шутивого желания познакомиться с женихом больше не изъявляла. Ну их, эти приметы. От них одно беспокойство.

Утро ворвалось в мой сон истошным мяуканьем и грохотом разбитой посуды.

– Крыся! – подскочив на постели, вызверилась я. – Что ты опять натворил?!

Пушистое чудовище обнаружилось на кухне. Кругом валялись осколки тарелок, а кошарик сидел на шкафу и истошно орал.

– Ну? И чем тебе полка с посудой помешала?

Ор перешел в обиженное мяуканье.

– Да? Голодный? А подождать – не вариант?

– Мря-а, – рявкнул Крыся.

Господи, не кот, а настоящее стихийное бедствие.

– У-у, рыжее злосчастье!

– Мря-у!

– Поговори мне еще! Знаю, что тоже рыжая, но это не дает тебе права...

За спиной раздался кашель.

Оборачиваясь, я уже догадывалась, что увижу. Ну кто бы сомневался? Снова она. Пуговица. Черная, гладкая, с дырочками.

– Что? – не хуже Крыси, рявкнула я.

Не дом, а проходной двор какой-то! То кобели приبلудные заходят, то мужики... Тоже приبلудные.

– Развлекаетесь? – уточнил мой неотвязный кошмар.

– Чего надо?

– Зашел узнать, не появились ли в вашей голове умные мысли?

– Других в ней и не водится. Что-то еще?

На стол легли семь аккуратных пачек.

– Что это?

– Деньги.

– Знаете, я была более высокого мнения о вашей сообразительности.

– Ладно.

На стол легли еще три пачки.

Я внимательно посмотрела на них, перевела взгляд на этого... И молча наклонилась за совком.

Тишину комнаты нарушил звук высыпаемых в ведро осколков.

– Упрямитесь, – задумчиво констатировал незнакомец.

Я согласно промолчала, продолжая сметать фарфоровую крошку. Что толку разговаривать, если этот... нормальный человеческий язык не понимает? Приперся, трясет своими деньгами, покупатель недоделанный!

Входная дверь громко хлопнула, заставив меня вздрогнуть.

Что же, скатертью дорожка, как говорится! Не нужны нам такие гости, пусть они хоть трижды мачо.

День прошел в трудах.

Я закончила уборку дома, перестирала покрывала и шторы, приготовила еду и уселась за ноут. Нет, не отдыхать. Деньги зарабатывать. За копирайт платят немного, но пишу я быстро, заказчиков у меня немало, так что на хлеб с маслом хватает. И даже на кошачий корм остается. Помню, поначалу переживала и каждую статью по несколько раз переписывала, все боялась, что не очень интересно получилось. А потом освоилась, привыкла, и теперь пишу уверенно, оставив бесконечные переделки в прошлом. И меня даже хвалят. Типа, легкое перо и все такое.

Со статьями провозилась почти до ночи. Тема попалась сложная, но заказчик платил неплохо, и это перекрывало все недостатки.

Оторвав глаза от экрана, устало разогнулась, со смаком потянулась, посмотрела в окно... И подскочила на стуле. Опять! Опять эти проклятые желтые огоньки! Много, много огоньков! Загадочные, мерцающие...

Ма-ма... Тут уж на покойного дядюшку не спишешь!

Я закрыла лицо руками, постояла так пару минут, потом отвела ладони и уставилась на пустынную улицу. Ничего. Ни огоньков, ни таинственного мерцания, лишь темная, безлунная ночь насмешливо наблюдала за моей растерянностью и подмигивала редкими звездочками.

Я потерла щеки и покосилась на монитор ноутбука.

М-да, всегда подозревала, что работа – зло, а моя так особенно. Вон, уже глюки мерещатся. Как там Ирка прикалывалась? Копирайт-копирайт, кого хочешь выбирайт...

Лодыжки коснулось что-то мягкое, и я испуганно взвизгнула.

В ответ раздался возмущенный мям.

– Крыся! Ты еще! Смерти моей хочешь?

Я рассерженно уставилась на рыжее недоразумение, по ошибке называемое котом. Это не кот. Это ходячее стихийное бедствие.

Крыся, словно почувствовав мое настроение, ласково потерся о ноги и заглянул в глаза.

– Ладно, подхалим, – сдалась я. – Прощаю. Пошли спать.

... Бесконечные полки, блестящие бока стеклянных банок, утоптаный земляной пол и деревянные настилы, на которых стоят многочисленные дубовые бочки с соленьями. Воспоминание такое яркое, что я даже воздух подвала чувствую – прохладный, пропахший рассолом и свежеструганными деревянными кругами, закрывающими кадушки.

Я словно воочию вижу низкий дверной проем, ведущий в темную глубину, и слышу тишину – особую, вязкую, обволакивающую и утягивающую в воронку беспмятства. И мне хочется поддаться и скользнуть в безвременье. Не думать, не бояться, не знать. Но нет. Память сохранила все до мельчайших подробностей. То, что я хотела бы забыть...

Ночь выдалась спокойной.

Даже сны никакие не снились, и едва начало светать, я открыла глаза. Привычно улыбнулась, сладко потянулась, мурлыкнула что-то невразумительно-радостное и... неожиданно наткнулась на застывшую в паре сантиметров от меня морду. Серую, огромную. Собачью, если быть до конца точной.

– Кыш!

Я махнула рукой, и морда отодвинулась.

Темный влажный нос сверкнул круглой пуговицей. Янтарные глаза внимательно уставились в мои.

– Нет, ну это уже полная наглость! – возмутилась я. – Чего смотришь? Иди отсюда! Кормить не буду, нам с Крысей самим есть нечего!

Морда продолжала внимательно наблюдать за мной, даже не думая двигаться с места. Интересно, как пес оказался в спальне? Неужели через черный вход попал? Вот хотела же его вчера чем-нибудь забаррикадировать, и забыла, руки не дошли. А там замка нет, только хлипкая щеколда и огромная щель, в которую, похоже, этот «неопознанный ходячий объект» и просочился.

– Не уйдешь? – обреченно спросила я.

Морда скептически скривилась.

– Ладно, пошли, – вздохнув, поднялась с постели.

Тонкая бретелька ночнушки соскользнула, открывая весь мой неполный третий размер, я машинально подтянула ее вверх и накинула халат.

– Чего сидим, кого ждем? – выходя из комнаты, поинтересовалась у пса.

Тот неохотно поднялся и, аккуратно ступая, пошел за мной.

– Так, что у нас осталось?

Я открыла холодильник и задумчиво обзрела его полупустые внутренности.

– Колбасу будешь?

– Ма-у, – раздалось в ответ.

– Крыся, я не тебе, – резко осадил своего иждивенца. – В твоём меню сегодня только «Вискас». Вот получим деньги за статью, тогда, так и быть, отметим.

Я вытащила оставшийся кусок варенки, вздохнула, прощаясь с завтраком, и повернулась к псу.

М-да. Такому бугаю этот огрызок на один зуб будет. Что у меня еще есть? Взгляд остановился на хлебнице. Точно.

Отрезала щедрый ломоть, уложила на него колбасу и протянула собаке.

– На, ешь.

Пес как-то странно покосился на угощение и наморщил нос.

– Ты что, не голодный?

Морда скривилась еще сильнее.

– Странно. А чего тогда пришел?

Разумеется, ответа я не услышала.

– Ну, как хочешь.

Я пожала плечами и плюхнула гигантский бутер на разделочную доску.

– Сама съем. Всяко вкуснее овсянки.

Пес покрутил головой, прошелся по кухне и сел на пороге.

– Ты тут не осваивайся, – решив сразу расставить все точки над «и», заявила наглому оккупанту. – В доме все равно не оставлю.

Морда дернулась и посмотрела на меня укоризненно.

– И нечего тут породистого изображать, – хмыкнула я. – На лайку ты не похож, на овчарку – тоже, так что не прикидывайся.

В умных глазах мелькнула обида.

– Ладно-ладно, не расстраивайся. Не выгоню я тебя. Но жить будешь во дворе.

Серый хвост напряженно дернулся, а я задумалась, прикидывая, сумею ли прокормить такого питомца. Все-таки, собачка не маленькая. И это минус. Но, с другой стороны, хорошая защита от любителей без спроса проникать в мой дом. И это плюс.

– Решено, – ставя на плиту чайник, заявила псу. – Оставайся. Надо только тебе кличку какую-нибудь придумать.

Я внимательно осмотрела нового постояльца. Пес был серым, крупным, с темными подпалинами по бокам.

– Волчок, – тихо пробормотала пришедшее на ум прозвище.

Высокие уши чуть дрогнули. Ага. Понравилось.

– Волчок! – уже уверенно повторила я и улыбнулась. – Точно. Так и буду тебя звать.

Вода вскипела быстро. Я дождалась, пока заварка приобретет красивый красно-коричневый цвет, вытащила из шкафа единственную уцелевшую кружку и уселась чаевничать.

Пес неподвижно сидел на пороге, наблюдая за каждым моим движением.

Меня не удивляло его появление. Я давно уже привыкла к необъяснимой любви животных к собственной персоне. В любом месте обитания все окрестные собаки и кошки неизменно выказывали мне свою симпатию.

Ну а я... Я отвечала им тем же. И подкармливала, по мере сил и средств. Правда, первого у меня всегда было в избытке, а вот второго...

Вздыхнув, покосилась на ноут. Интересно, Бежин переведет сегодня гонорар?

Я постаралась отвлечься от грустных мыслей. Подумаешь, деньги почти закончились... Зато у меня теперь есть собственное жилье, собака и кот. Прямо

как у простоквашинского дяди Федора. Осталось только почтальона Печкина завести.

Усмехнувшись, покосилась на свой зоопарк.

Пес все так же невозмутимо восседал на пороге, а котенок с аппетитом трескал корм, торопливо заглатывая мясные кусочки и нервно поглядывая в сторону нового соседа.

– Да не давайся ты так! – не выдержала я. – Никто у тебя еду не отнимает!

Крыся мое высказывание проигнорировал, но чавканье стало громче.

Понятно. Не верит. Несмотря на свой «юный» возраст, моя животинка на редкость своенравна и не привыкла доверять ни словам, ни хозяйке, ни самой жизни.

– Не трусь, Крыся, прорвемся! Первый раз, что ли? Вот получу деньги, и устрою вам с Волчком настоящий пир.

Мысль о гонораре подняла и без того хорошее настроение до отметки отлично. Если успею отправить статьи сегодня, то уже завтра моя карточка снова станет волшебной!

Крыся быстро схоячил остатки корма и вспрыгнул на освободившуюся табуретку.

– Нам бы ночь простоять, да день продержаться, – тихо пробормотала я. – Главное, чтобы Геннадьевичу все понравилось. Он тогда точно нас не обидит.

Крыся согласно мяукнул, развалился на небольшом сиденье во весь свой рост, а я помыла кружку и подошла к Волчку.

– Ну что, иждивенец, идем?

Пес посмотрел на меня с неприкрытым удивлением.

– Что? Ты же не думал, что я тебя в доме оставлю?

Серый хвост нервно ударил по коврику.

– Ты мне тут пыль не поднимай, – строго прикрикнула я. – Давай, отрывай свой пушистый зад от пола – и вперед!

Пес неохотно поднялся и потрусил за мной к выходу.

Интересно, и почему это я почувствовала себя виноватой?

Выйдя во двор, огляделась по сторонам. Кругом лежали настоящие сугробы. Надо же, сколько снега навалило! В городе зима так не лютует.

– Ничего себе, снежок! – пробормотала вслух и поплотнее запахнула кофту. – Эй, ты чего?

Я удивленно посмотрела на Волчка. Пес успел обойти меня и теперь упорно подталкивал к двери.

– Зайти обратно?

Толчки стали активнее.

– Ладно, захожу. Сам тогда ищи себе место.

В ответ раздалось невнятное фырканье, и я ввалилась обратно в сени.

– Ну и питомцы, – проворчала, потирая озябшие руки. – Так и норовят покомандовать!

Ладно. Хватит бездельничать. Работу никто не отменял. А жаль.

Я снова уселась за ноут, но мысли бродили далеко от садовых инструментов, о которых нужно было писать. Вспомнился родной город, лица родителей, тихий голос бабушки.

Я провела рукой по лбу и попыталась сосредоточиться. Так. Отставить ностальгию. Не за то мне деньги платят.

Взгляд скользнул по экрану и задержался на логотипе садовой фирмы. Яркие краски, цветущие кустарники, горшки с рассадой – дизайнер постарался на совесть. Даже мне, далекой от садоводства, неожиданно захотелось чего-нибудь посадить. Правда, я тут же напомнила себе, что земледелец из меня тот еще и вернулась к написанию статьи. Первое предложение, второе... А дальше все пошло как по маслу.

Я так увлеклась, что оторвалась от ноута только глубокой ночью. Крыся давно уже дрых на облюбованной табуретке, на стене тихо тикали старые ходики, в оконном стекле отражался свет настольной лампы.

Я разогнула уставшую спину, зевнула и, поднявшись с табуретки, поплелась в спальню.

...Дверь не поддавалась. Я пыталась ее сдвинуть, но там, на той стороне, что-то мешало: то ли замок, то ли засов. В узкую щель проникал тонкий лучик света, он не рассеивал темноту, скорее, подчеркивал ее, и я ощутила, как тоскливо стало на сердце. Эта тишина, эта темнота, это давящее ощущение беды...

– Мама! – тихо позвала я.

– Мама! – уже громче крикнула в светлую полоску, застрявшую в двери. –
Мамочка! Я здесь! Помоги, выпусти меня отсюда!

Голос утонул в окружающей тишине, увяз в ней, и мне показалось, что слова рассыпались пластмассовыми шариками и упали на цементные ступени – ненужные и неприкаянные. На лбу выступила испарина, ладони стали липкими и влажными, по спине тонкой струйкой побежал ледяной пот.

Я села на холодный пол и беззвучно заплакала...

Глава 2

Утро выдалось солнечным. О вчерашнем снегопаде напоминали только огромные сугробы вдоль ограды да пышные шапки снега, укрывшие резные наличники и колышки забора. Я выглянула из сеней, поежилась и поплотнее запахнула пуховик. Холодно. Сосульки, свисающие с крыши, ярко, словно насмехаясь, сверкнули в лучах солнца. Ну да. «Морозоустойчивой» меня не назовешь. Ненавижу, когда приходится кутаться в сто одежек. И когда ноги мерзнут – тоже. То ли дело лето! Короткие ночи, длинные дни, тепло... И никакой тебе аллергии, со слезящимися глазами и покрасневшими щеками.

Я натянула варежки, перехватила поудобнее сумку и решительно направилась к калитке. Хватит мечтать. До лета осталось всего ничего, каких-то полгода, а потом... Длинные дни, короткие ночи, тепло – красота!

Снег весело скрипел под сапожками. В душе зрело предвкушение чего-то особенного, нового, того, что полностью перевернет и изменит жизнь. Хотя, она и так уже изменилась.

Я оглянулась на свой домик. Вот она, главная перемена! А ведь наверняка будут и другие, может, и личная жизнь наладится.

Калитка захлопнулась за моей спиной, с забора посыпалась белая снежная крошка, и я решительно потопала вперед, по пустой и безлюдной улице.

Странно, кстати. Если бы не дымок, поднимающийся над трубами домов, поселок казался бы вымершим, настолько здесь было тихо. Ни людей, ни собак, ни вездесущих кошек... Нет, ладно бы кошки, они, как и я, не жалуют холод, но собаки-то где? Эти голосистые охранники просто обязаны быть в каждой поселковой усадьбе! Стоять на страже, так сказать. Прошла уже с десяток домов, и никто меня не облаял – невозможное дело для деревни.

Я вертела головой, рассматривая огромные особняки. Вчерашнее впечатление, что в Волчьем Логе живут одни богачи, усиливалось с каждым шагом. Кованые заборы, живые изгороди из туй, тщательно очищенные от снега каменные

дорожки, ведущие к двух, а то и трехэтажным домам, гаражи с автоматическими воротами. На всей улице только один домик выглядел более-менее скромным. Тот, что стоял напротив моего. Невысокий, основательный, с большими широкими окнами и длинным рядом самшита, закрывающего железную ограду, он казался совершенно обычным. И это немного вдохновляло. Похоже, там живут простые люди, а вовсе не какие-то олигархи.

За всеми этими рассуждениями я не заметила, как отошла на приличное расстояние и добралась до перекрестка. Справа светилась вывеска супермаркета, слева – зеленый крест аптеки, а прямо по курсу виднелась небольшая площадь, на которой стоял заснеженный памятник. Я замерла, разглядывая окрестности. Улицы в Логе ровные, прямые, широкие. И тротуары просторные. Так и не скажешь, что деревня, больше похоже на какой-нибудь немецкий городок.

В интернете, куда я перед отъездом залезла узнать, что представляет из себя поселок, сведений о Логе было до обидного мало. Упоминалось только, что он основан на месте Волчьего урочища помещиком Брагиным – его усадьба, кстати, сохранилась до наших дней, и сейчас в ней находится музей, – и что в поселке проживает полторы тысячи человек. Школа, Дом Культуры, больница и администрация – вот и все общественные учреждения. Между прочим, наличие больницы в таком небольшом поселке меня удивило. Вроде, их сейчас везде закрывают, а тут почему-то оставили.

От размышлений меня отвлек шум работающего двигателя. Я оглянулась и увидела, как из того самого дома, что показался мне относительно скромным, выезжает машина. «Калина». У моего бывшего соседа по коммуналке была такая же.

Юркий красный автомобиль ехал быстро, и, когда он поравнялся со мной, я увидела, что водитель – девушка. Я успела разглядеть длинные русые волосы, спадающие на обтянутую бежевой водолазкой грудь, пухлые губы, ровные темные брови, аккуратный носик. Внешность незнакомки была из тех, что сразу привлекают внимание и запоминаются надолго. Бывают же такие красотишки! Наверное, у моей соседки отбою от кавалеров нет.

«Калина», не сбавляя скорости, свернула направо, к супермаркету, правда, не остановилась рядом с ним, а помчалась дальше, а я, понаблюдав за тем, как она исчезает вдаль, направилась к аптеке.

В небольшом светлом помещении было тепло и пахло лекарствами и мясным супом. Странная смесь. Похоже, пожилая аптекарша, что смотрела на меня поверх сидящих на кончике носа очков, принесла из дома обед, который и благоухал теперь на все помещение.

Желудок обиженно взвыл. Ну да. Я не часто балую его мясом, но это же не повод меня позорить?

– Доброе утро, – улыбнулась аптекарше, стараясь заглушить голодные рулады.

– Здравствуйте, – кивнула та, продолжая разглядывать меня так пристально, что это казалось невежливым.

Хотя, чему я удивляюсь? Поселок маленький, скорее всего, тут все друг друга знают, и вдруг – новое лицо. Конечно, тетушка заинтересовалась.

Я обвела глазами высокие стеклянные витрины, заставленные яркими упаковками.

– Что-то хотели? – спросила аптекарша, и в ее голосе появились прокурорские нотки, а взгляд стал еще более вьедливым.

Я даже опешила. Ну и тетя! Ей бы в каком-нибудь ФСБ работать!

– У вас есть Лоратадин?

– Сто двадцать рублей, – заявила аптекарша, достав из шкафчика небольшую упаковку таблеток.

– Сколько?

Я удивленно уставилась на знакомую коробку. В последний раз она стоила рублей шестьдесят, не больше.

– Сто двадцать, – невозмутимо повторила тетка и поправила очки. – Так что, пробивать?

М-да. Похоже, тут не только дома большие. Вот что значит поселок для богатых.

Я вздохнула и полезла в кошелек за карточкой.

– Одну?

– Что?

– Одну упаковку? – повторила аптекарша, и в ее словах я расслышала всю ту же недоверчивость.

– Да, – широко улыбнулась в ответ, привычно не реагируя на чужой негатив. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на всякие глупости.

Тетка молча пробила таблетки, я расплатилась и уже собиралась уйти, когда услышала резкий вопрос:

– А вы к кому приехали?

М-да. Прямолинейно, однако.

– К себе, – обернувшись, сообщила любопытной дамочке.

– К себе? – тонкие, выщипанные брови поднялись, собрав невысокий лоб некрасивыми морщинами. – Вы живете в Логе?

– Вас это удивляет?

Ну что за народ? Вчера мачо недоумевал, сегодня вот аптекарша...

– А на какой улице?

– А вы с какой целью интересуетесь? – подпустив в голос ироничной любезности, уставилась в светло-серые, отдающие зеленью глаза.

– Я всех местных жителей знаю, – убежденно заявила тетка. – За последние несколько лет у нас никого чужих не было. И дома не продавались.

– А я и не покупала. Мне дом по наследству достался.

– Это чей же?

– Ковалева Дмитрия Петровича.

Я решила, что будет лучше, если аптекарша выяснит интересующие ее сведения и поделится ими с односельчанами. Нужно же как-то вливаться в местное общество?

– Митяя? – задумчиво переспросила тетка, вглядываясь в мое лицо так внимательно, будто пыталась обнаружить в нем сходство с неизвестным мне родственником.

Зря старалась. На старой фотографии, которую я сумела отыскать на чердаке дома, никакого сходства и близко не было. Дмитрий Петрович был огромным, темноволосым мужчиной, с грубыми, словно вырезанными из камня чертами и пудовыми кулаками, а я... Среднего роста, рыжая, симпатичная – нет, совсем ничего общего.

– Вон оно как, – протянула аптекарша. – Значит, наследство получили. И что? Сколько за дом просите?

Да что ж такое-то?! Они что, сговорились?

– Я его не продаю. Я здесь жить буду, – заявила вредной тетке и потопала к двери.

В ответ донесся какой-то странный сдавленный звук, но я не стала оглядываться и вышла из аптеки.

Егор

– Егор Николаевич, вы не понимаете! Это не женщина, это терминатор какой-то! Мышей она не боится, привидений – тоже. Ее даже мистикой не испугаешь!

Парни переминались с ноги на ногу, поглядывая на меня настороженно, с опаской. Правильно, между прочим, опасались. Мне эта девчонка вот уже где! Как кость в горле застряла и никак ее оттуда не достать.

– И что? – посмотрел на молодняк.

– Мы не знаем, что делать! – покаянно вздохнул Леха Кучерявый, склонив свою кудрявую голову. Бывает же такое – фамилия в масть пришлась.

– Да? Десяток здоровых лбов не может справиться с одной мелкой вздорной девчонкой?

«Мелкой, рыжей и дурной», – добавил про себя.

И тут же вспомнил, с каким вызовом Ника в глаза смотрела. «Больше сюда не приходите!» Можно подумать, великое удовольствие к ней таскаться. Хотя, фигурка у нее ничего. Как она бедрами восьмерки выписывала! Не отказался бы еще разок посмотреть...

Перед глазами мелькнуло яркое воспоминание: обтянутый джинсами аппетитный зад, завязанная под грудью рубашка, смешные косички.

Мля... Нашел, что вспоминать! Под этими косичками мозгов ни грамма нет.

– Егор Николаевич, да она на всю голову больная! – словно подслушав мои мысли, затарахтел Сотник. – Представляете, уставилась на меня и спрашивает: – «Чего вылупился?». Это среди ночи-то! Другая бы уже верещала от страха, а эта – хоть бы хны.

– Витя, не пытайся оправдать свою неудачу. Я вам что велел? Чтобы к Новому году этой особы здесь не было. А вы?

– Так до Нового года еще два дня, – подал голос молчавший до этого Родька.

– И?..

– Мы постараемся, – вразнобой ответили мальчишки.

– Ответ неправильный.

Покачав головой, внимательно посмотрел на молодняк. Стоят, вздыхают, на лицах растерянность, от бывшего азарта ничего не осталось. Неужели не смогут с девчонкой сладить? Может, Сэма к ней отправить?

Почему-то эта мысль вызвала резкое отторжение. Чадов скор на расправу, он даже рассуждать не будет – выкинет мелкую из поселка, еще и пинка для ускорения даст. Нет. Не стоит. Нужно, чтобы девчонка сама уехала. По-хорошему.

– Ну? – посмотрел на парней.

Те переглянулись и замялись.

– Даю вам сутки. И чтобы послезавтра духу ее здесь не было.

Мальчишки молча кивнули и потянулись из кабинета, а я раздраженно покосился в окно.

Проклятый старик! При жизни ехидной был, и после смерти изловчился подгадить.

Где он только откопал эту девчонку? Сроду бобылем жил, ни баб, ни детей, ни прочих родственников. Сколько лет воду мутит, сладу с ним не было, а помер – и снова проблемы!

Вспомнился въедливый взгляд деда Митяя, презрительно поджатые губы, обещание устроить всем сюрприз. Что ж, ничего не скажешь, устроил.

Как от Генки услышал, что у нас гости, сам решил посмотреть, что за птица такая. А уж когда девчонку эту посреди поселка увидел, сразу почувствовал какой-то подвох. Сидит на чемодане, по сторонам озирается, глазами своими сверкает и перчатки в руках комкает, волнуется. Ну, а когда она адрес назвала... Поначалу не поверил. Митяй огромным был, темноволосым. А тут – малышка. Мелкая, рыжая, верткая. Племянница. Какая она племянница? Что ж я, волка от человека не отличу?

Хотя, если судить по мерзкому характеру, тут бы и сомнений не возникло. Два дня меня динамит. «Мой дом не продается!»

Я рассерженно хмыкнул. Дом... Не дом, а куча хлама. Снести его и забыть. И о несносном старике, и о глупой девчонке. Где он ее только раздобыл?

Отложил бумаги, снял очки и потер глаза. Шестые сутки без сна. Устал, как собака. Сейчас бы завалиться в баньку, а потом проспать пару дней кряду, так нет! Не успел с Закрецким разобраться, как новая проблема нарисовалась. Мелкая, рыжая, языкастая. С характером. Чего она в нашей глуши забыла? И кот у нее такой же. Бойцовский. Хоть и крошечный. Как там она его называла? Какая-то смешная кличка.

Перед глазами снова возникло веселое веснушчатое лицо, ясные серые глаза, яркие всполохи вьющихся прядей. А еще... Мелькнувшая в вырезе сорочки грудь. Крепкая, полновесная, аппетитная. Такую в ладонях сжать – одно удовольствие! На какой-то момент я почти ощутил в руках эту приятную, спелую тяжесть.

Вот гадство! Мысли тут же повернули не в ту степь.

Нужно подумать о чем-то другом. О работе, например. Или о грядущем празднике. Завтра надо не забыть парней за деревьями отправить. Пусть в центре перед администрацией ель поставят, да и въезд в поселок тоже бы неплохо украсить. Зима – наше время, нельзя об этом забывать.

Неожиданно повеяло чем-то уютным, теплым, живым. Я будто наяву увидел просторную комнату, пламя свечей, услышал треск поленьев в камине, ощутил

аромат ванили... А потом им на смену пришли нежные губы, смеющиеся глаза. Серые, теплые. И остро захотелось избавиться от постылого одиночества, ощутить рядом родную душу, почувствовать вкус простого человеческого счастья.

Я помотал головой.

Бред. Совсем от недосыпа крыша поехала. Человеческое счастье ему подавай!

Губы скривила усмешка.

Ладно. Хватит лирики. Пора заканчивать с этой глупой историей. Завтра же вручу девчонке деньги – и пусть уматывает отсюда, подобра-поздорову.

Завтра... Нет, завтра поздно будет. Нужно сегодня зайти.

Точно. И еды какой-нибудь взять, а то помрут еще с голоду, совесть потом замучает.

Я прошел на кухню, где вкусно пахло щами и мясом и спросил у домработницы:

– Мария Николаевна, что там у нас на ужин?

– Венские отбивные, картофель-пай, салат из овощей и сладкий пирог, – отозвалась та, вынимая из духовки противень, от которого шел нежный яблочный дух.

– Заверните.

– Егор Николаевич, что вы сказали?

Тетя Маша посмотрела на меня с недоумением. В добрых серых глазах отчетливо читалось: – «а не спятил ли альфа от недосыпа?»

– В смысле, упакуйте во что-нибудь, я с собой возьму, – пояснил, сопровождая свои слова соответствующими жестами.

– С собой, – машинально повторила моя бессменная помощница.

– Пришлой отнесу. Голодает там, и кот вместе с ней.

Тетя Маша всплеснула руками.

– Ох, да что же это я? Сейчас, Егор Николаевич. Все сделаю.

Она засуетилась, принялась укладывать еду в судочки и контейнеры, торопливо бормоча: – «Я скоренько, Егор Николаевич. Вот еще мясца положу, и пирог. Да и салатик не помешает. Бедная девочка, каким ветром ее к нам занесло?».

Каким? Явно не попутным. И лучше бы вообще не заносило, всем бы спокойнее было. Мне так уж точно.

– Еще и кот голодный, бедняжка, – приговаривала Мария Николаевна, и мне почему-то слышалась в этих словах добрая насмешка. Правда, я предпочел ее не заметить.

Через десять минут все было готово, и я, подхватив пакет, вышел из дома.

Ника

...Дверь с трудом, но поддалась моим усилиям, и я смогла, наконец, выбраться из подвала. Руки дрожали, в горле пересохло, голова кружилась, но я шла вперед, переступая через цементную крошку и обломки кирпичей. Никого. Ни одного человека. Куда все подевались?

– Эй! – несмело позвала я.

Звук разнесся по пустому дому и пошел гулять по нему страшным эхом.

– Кто-нибудь! Отзовитесь!

Ответа не было. Да я, если честно, его уже и не ждала.

– Вы меня слышите?

Я спотыкалась, но продолжала идти вперед, к большому залу. И чем ближе подходила, тем отчетливее понимала, что ничего хорошего меня не ждет. Понимала, но отказывалась в это верить...

Вечер снова застал меня за ноутбуком. Статья о полезных ископаемых продвигалась туго. Пришлось перелопатить кучу информации, в голове уже шумело от ее переизбытка, но дальше нескольких абзацев дело не пошло.

– Кхм-кхм...

Услышав за своей спиной знакомый звук, даже оборачиваться не стала. Ну, Волчок, ну, предатель! Мог бы хоть разочек гавкнуть! Уже не говоря про то, чтобы в ноги этому наглецу вцепиться! Или в то, что повыше.

– Очередное предложение?

Развернувшись, устало подняла глаза на визитера.

– Вы очень догадливы, – хмыкнул тот, отодвинул ноутбук и принялся выставлять на стол какие-то судочки и контейнеры.

– Это что?

Я недоуменно смотрела на все увеличивающуюся гору. Ее хватило бы, чтобы накормить роту солдат. Интересно, это все мне? С чего бы такая доброта? Как там? Бойся данайцев, дары приносящих? Похоже, один из таких данайцев как раз стоит напротив.

– Ужин, – невозмутимо ответил незнакомец.

Он быстро открыл крышки, достал из шкафчика вилку и нож, положил передо мной и коротко приказал:

– Ешьте.

Я молча смотрела на него и не торопилась братья за приборы. По комнате поплыли мясные ароматы, а я давилась слюной и судорожно пыталась понять, что все это значит. Купить меня решил? Или я выгляжу такой голодной? А может...

– Ну? – оборвал мои размышления нетерпеливый вопрос. – Вы долго медитировать будете?

В голосе незваного гостя слышалось раздражение. Странный человек. Разве так с подношениями приходят?

– Слушайте, вы не похожи на представителя благотворительной организации.

Я подперла голову кулаком и уставилась в гипнотизирующие янтарные глаза. Что-то с ними было не так. Цвет этот. Или узкий зрачок...

– Нет? – удивленно поднял бровь мой незнакомец.

– Нет, – твердо ответила я.

– Даже не знаю, что вам сказать, – хмыкнул мужчина.

Он провел ладонью по волосам, и этот жест показался таким знакомым, словно бы мы с мачо знали друг друга много лет.

– Решили меня устранить? – не поддавшись эмоциям, посмотрела на гостя.

– Что? – поперхнулся тот.

– Отравить, – любезно подсказала я.

– Язва! – вспыхнул незнакомец.

– Торгаш! – не осталась в долгу.

Мне достался гневный взгляд, мачо выругался сквозь зубы и, широко шагая, пошел к выходу. А я смотрела на то, как он уходит, и испытывала непонятное сожаление. И чего, спрашивается, нарывалась? Посидели бы, поговорили, может, чаю попили бы...

Дверь грохнула о косяк, и на улице послышались приглушенные ругательства.

– Иди-иди, – буркнула я, пытаюсь заткнуть не в меру чувствительную совесть. – Не надо нам никаких подачек. Сами проживем.

– Мря-у!

Крыся, дождавшись ухода незваного гостя, целенаправленно двинулся к столу.

– А тебе лишь бы поесть! – с укором посмотрела на кошарика. – Предатель.

– Ма-у...

В голосе Крыси прозвучало явное недоумение. Типа, а еда-то тут при чем?

Да уж. Обиды обидами, а насчет покушать Крыся не дурак. Впрочем, я тоже.

В итоге, через полчаса мы с кошариком сыто поглядывали друг на друга и благостно улыбались. Вернее, я улыбалась, а Крыся довольно жмурился. А что? После вкусного ужина жизнь налаживалась прямо на глазах.

Я помедитировала еще немного, а потом убрала в холодильник большую часть провианта, сварила кашу, выложила в нее несколько кусков мяса, сдобрила все маслом и пошла кормить Волчка.

– Эй, ну ты где?

Вредный пес не отвечал.

– Волчок! Ты что, кинуть меня решил?

Тишина.

– Ну как хочешь! От такой каши отказываешься!

Никто не отзывался. Я подошла к калитке и выглянула на улицу.

– Волчок!

Пса нигде не было. Вот паразит, сбежал!

Я оперлась на забор и принялась рассматривать соседский дом. Окна его горели приветливым желтым светом, и мне ужасно захотелось заглянуть в них и посмотреть, как живет та незнакомка, которую я видела утром. Наверное, у нее большая семья, муж, дети. Вон, санки у забора стоят, а рядом с ними футбольный мяч валяется.

Я представила, как все семейство собирается за круглым, покрытым разноцветной скатертью столом, как весело смеются малыши, как...

В этот момент, прервав мои мечты, к дому подъехала знакомая уже ярко-красная «Калина», и из нее вышла та самая девушка в короткой кожаной косухе и узких джинсах. Она исчезла за калиткой, а спустя пару минут большие железные ворота со скрипом разошлись в стороны, и соседка, нырнув в машину, заехала внутрь.

Любопытство заставило меня приподняться на цыпочки и вытянуть шею.

Я успела разглядеть очищенный от снега двор и красивый кованый фонарь, болтающийся над входом, а потом ворота закрылись, отрезая от меня и незнакомку, и жизнь соседского дома, и вскоре я услышала щелчок дверного замка и звонкий мальчишеский крик.

– Мам, ну наконец-то! Я уже заждался!

– Не стой на холоде, иди в дом, – донесся до меня негромкий мелодичный голос.

– Я тебя подожду.

– Никита, я кому сказала? Марш в сени! Я машину в гараж загоню и приду.

В ответ раздалось какое-то невнятное бормотание, грохнула дверь, и слышался звук мотора. А потом все стихло.

И мне стало грустно. Кусочек чужой жизни, мелькнувший всего на миг, заставил остро почувствовать свое одиночество.

– Волчок! – не желая грузиться ненужными мыслями, громко позвала я, но вредный пес и не думал отзываться.

Постояв для порядка еще пару минут, вернулась к дому, оставила миску в сенях и захлопнула за собой дверь.

...Кровь была повсюду. На полу, на стенах, даже на стеклах окон. На уцелевших стеклах. Большая часть осыпалась осколками, и сейчас хрустела под моими шагами.

Кровь казалась неестественно темной, и ее было так много, что я почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. Рука взметнулась к губам, душа на корню зарождающийся крик. Нельзя. Нельзя шуметь. Нельзя плакать. Нельзя выдавать свое присутствие.

Я давилась слезами и осторожно ступала по скользким плитам, понимая, что сейчас увижу, и одновременно надеясь, что не увижу ничего из того, о чем кричала душа. Это все сон, кошмар, неправда... Этого не может быть на самом деле. Только не со мной. Только не с нами...

Ночью поднялся ветер, и в доме похолодало. Сквозило из всех щелей и даже из-под пола.

Я закуталась в одеяло и пыталась согреться. Тщетно. Хиленькое покрывало почти не давало тепла. Я вертелась, крутилась, искала удобное положение, но сон не шел. Крыся давно уже дрых на подушке, а мне не спалось. Мешали какие-то странные шорохи, стуки и звуки, раздающиеся под окном спальни. То ли завывания, то ли стоны. А может, и всхлипы. Похоже, местные привидения решили устроить для меня персональный концерт.

Я укрылась с головой и попробовала отвлечься. Скоро Новый год. Мандарины, конфеты, запах хвои... Надо бы елку найти. И какие-нибудь игрушки. И в магазин выбраться. А еще неплохо бы основательно проверить чердак, может, там чего интересное в старых коробках хранится? Кажется, в одной из них я даже посуду видела – что-то вроде красной керамики, нужно будет повнимательнее посмотреть, а то после Крысиного «набега» у меня только пара тарелок и одна кружка остались. А еще сарай во дворе есть, в него бы тоже заглянуть не мешало, вдруг что полезное обнаружу?

Под эти неторопливые размышления я и задремала.

Снилось что-то приятное, давно забытое. Теплые объятия, ласковые прикосновения, нежная истома...

Проснулась до рассвета, и, не открывая глаз, улыбнулась. Эх, если бы реальность могла подарить мне хоть малую часть ночных ощущений!

Я протянула руку, собираясь взять с тумбочки телефон, но вместо него нащупала густую шерсть, влажный нос, мохнатые уши...

– Волчок! А ты не обнаглел?

Бессовестный приبلуда растянулся на моей постели и дрых без задних ног.

– Эй! Это моя кровать!

Я попыталась спихнуть беспардонного постояльца.

Тот дернул головой и придвинулся ближе. Разве что лапы на меня не закинул.

– М-да... И как это называется?

Желтый глаз открылся и посмотрел на меня с укором.

Казалось, пес недоумевает, чего мне не спится.

– Волчок, пошел отсюда! – не выдержала я. – Только кобелей мне в постели не хватало!

Во взгляде интервента мелькнуло удивление.

– Да-да! Убирайся!

Я попыталась толкнуть тяжелую тушу на пол, но сил не хватило. Волчок даже с места не сдвинулся.

– Ладно, не хочешь по-хорошему... Сейчас воды принесу и устрою тебе холодный душ!

Я завозилась, собираясь слезть с кровати, но Волчок лениво поднял лапу, уложил мне ее на талию и подгарнул к себе.

– Что за... Эй, отпусти меня! Немедленно!

От возмущения, я даже не сразу сообразила, что произошло. Волчок поднял морду, пристально посмотрел мне в глаза и вздохнул. Натурально вздохнул! В темно-желтых глазах мелькнуло какое-то странное выражение, и мне вдруг показалось, что я слышу усталый мужской голос: – «Ну что ты суетишься? Успокойся и ложись спать. Рано еще».

И я успокоилась. И легла. И провалилась в сон. И во сне мне снова было тепло и уютно, как в детстве.

Глава 3

Следующий день ознаменовался долгожданным денежным переводом. Бежин, для которого я сделала сайт, написала три статьи и придумала крутой рекламный слоган, не поскупился, накинул пару лишних тысяч, и я почувствовала себя богачкой. Причем, настолько, что решила разориться на елку и настоящий праздничный ужин.

– Крыся, сегодня у нас будет мясо, – торжественно объявила своему иждивенцу, отправляясь в поход по магазинам.

– Ма-у? – недоверчиво протянул кот.

– Правда-правда. Вот увидишь, – распахивая дверь, пообещала питомцу.

Крыся окинул меня задумчивым взглядом и лениво растянулся на табуретке. Маленький упрямец не разделял моего оптимизма, предпочитая верить не словам, а фактам. Мясному фаршу на тарелке, например. Или куриной голени.

– Зря я тебя Кристианом назвала. Фома подошло бы гораздо больше, – проворчала, выходя из дома.

На улице было по-прежнему безлюдно. Я покосилась на соседский дом, надеясь увидеть вчерашнюю незнакомку, но за самшитовой изгородью царила тишина. И даже санки куда-то исчезли, словно их и не было.

Я поправила сползающую на глаза шапку и бодро потопала по расчищенному тротуару к магазину, на ходу составляя список покупок и, между делом, раздумывая, куда подевались жители Лога. Какой-то заколдованный поселок – ни обычной предпраздничной суеты, ни зверей, ни людей. Ну, не считая мачо и Волчка.

Может, местные олигархи умотали на Мальдивы? Или куда там богатеи летают праздники отмечать? Точно. Чего им в деревне сидеть?

Впереди показалась светящаяся вывеска. «Супермаркет» – призывно алели крупные буквы, подмигивая мелкими разноцветными гирляндами. Что ж, надеюсь, цены тут не слишком отличаются от привычных.

Я оббила ноги от снега и поднялась по ступенькам.

Внутри было тепло, играла какая-то ненавязчивая музыка, за кассой скучала симпатичная блондинка с густо подведенными глазами и тонкими, ярко накрашенными губами. Заметив меня, женщина приободрилась и напевно поздоровалась:

– Доброе утро!

– Доброе, – кивнула в ответ, оглядывая длинные ряды полок.

Название супермаркет оказалось условным, самообслуживанием здесь и не пахло. Все товары располагались за непроходимой преградой прилавка. Правда, ассортимент вдохновлял. Тут был и продуктовый отдел, и посуда, и инструменты, и даже товары для животных. Взгляд зацепился за знакомое название, и я обратилась к продавщице:

– Будьте добры, большой пакет сухого кошачьего корма, булку хлеба, триста граммов голландского сыра и вот эту часть корейки, – я показала на хороший кусок охлажденной свинины.

– Как устроились на новом месте? – взвешивая мясо, спросила женщина, и я поняла, что мой недавний поход в аптеку принес свои плоды.

– Спасибо, хорошо.

– Надолго думаете остаться?

Дамочка медленно упаковала корейку, сняла с полки мешок корма и потянулась за хлебом. Видно было, что она никуда не торопится.

– Надолго, – кивнула в ответ, уже догадываясь, какая реакция последует на это заявление. И не ошиблась.

Женщина обернулась и посмотрела на меня с таким удивлением, словно я с луны упала.

– Ну-ну, – неопределенно сказала она, и я не выдержала.

– А что, этот поселок какой-то особенный? – посмотрела прямо в обведенные черной подводкой глаза. – Здесь, что, нельзя находиться посторонним? Может, тут ядерное оружие делают или секретный научный центр имеется?

– Да нет, – смутилась женщина. – Ничего подобного, обычное село, – миролюбиво продолжила она и быстренько переключилась: – Так вам сыра сколько взвесить? Триста грамм?

Я кивнула, решив, что уже достаточно высказалась.

– Сегодня масло сливочное свежее привезли, не хотите взять? – улыбнулась продавщица. Видно было, что ей хочется сгладить возникшую неловкость.

– Нет, спасибо, – отказалась я. – А елку у вас где-нибудь можно купить?

– Так у меня. У нас и елки на заднем дворе есть, и крестовины для них. Вам какую? Большую или среднюю?

– Давайте среднюю, только, чтобы не облезшая была.

– Ну что вы! У нас во всей области самый лучший товар, не сомневайтесь.

Ничего себе, хватила! В области... Хотя, кто знает, может, так и есть. Сравнивать-то мне не с чем.

Продавщица исчезла в недрах магазина и вскоре вернулась с симпатичной елочкой. От пушистых ветвей вкусно пахло морозом и хвоей.

– Вот. Красавица, правда? И всего шестьсот рублей.

М-да. Для кого-то всего, а для кого-то и целых шестьсот! А, ладно! Гулять так гулять!

Недрогнувшей рукой достала карточку и поднесла ее к сканеру.

– Вы заходите почаще, молочка у нас всегда свежая, и мясо свойское, из местного агрокомплекса, – доверительно сказала продавщица. – Меня, кстати, Татьяной зовут.

– Я Ника, – улыбнулась в ответ.

– Вы к нам из Москвы приехали? Не заскучаете в такой глуши? – в голубых глазах мелькнула грусть, но Татьяна тут же встряхнула лихо подкрученной челкой и тоска исчезла. – У нас тут тихо. Ни развлечений, ни клубов, ни городской суеты.

– А я люблю тишину.

Откровенничать с продавщицей не хотелось.

– Да? Ну тогда вам у нас понравится, – в голосе женщины прозвучала неуверенность. – Вы заходите, если что-то особенное нужно будет, мы и из города доставим, у меня все заказывают.

Я оплатила покупки, поблагодарила Татьяну и, прихватив поклажу, отправилась домой.

Шапка сползала на лоб, но руки были заняты, и мне приходилось все время встряхивать головой, чтобы ее поправить. Правда, толку от этого было мало. Интересно, где носит моего мачо? Сейчас его помощь мне бы точно не помешала!

Я как раз затаскивала в дом купленную елку, когда за спиной раздалось знакомое покашливание.

– У вас бронхит? – не оборачиваясь, уточнила у гостя.

– С чего вы взяли? – спросил тот и перехватил смолистый ствол. – Дайте сюда. Я помогу.

– Спасибо. Ну, вы все время кашляете, вот я и решила... Ага, в комнату, – скомандовала я.

Незнакомец занес елку в гостиную, прислонил ее к стене и огляделся.

– Надо же, не думал, что эту берлогу можно превратить в подобие жилья.

В его взгляде я увидела удивление.

– Да тут всего-то и нужно было, что все отмыть и навести порядок, – я пожала плечами. – Кстати, мы с вами уже несколько дней общаемся, а так и не познакомились. Меня Ника зовут. А вы...

Мужчина посмотрел на меня озадаченно.

– Ну, вас как зовут? Имя, – пояснила я.

– Егор Ник... Просто Егор.

– Очень приятно, – улыбнувшись, ответила теперь уже знакомому гостю. – Кстати, хотела поблагодарить за вчерашнее угощение, было очень вкусно. Можно, я вас сегодня на ужин приглашу? Ну, вроде как алаверды.

– Кхм...

– И чай травяной заварю, для бронхов полезно.

– Да, от чая отказаться сложно, – усмехнулся Егор, и в глазах его блеснули смешинки.

Мне всегда нравились люди, которые умеют так улыбаться. Бывает, разговариваешь с человеком, и он, вроде, веселится, смеется, а глаза – холодные, пустые. А иной раз, смотришь, и лицо строгое, и улыбка скупая, а во

взгляде – тепло и смех. Вот, как у моего нового знакомого.

– Заметано! Значит, жду вас в шесть.

– Хм, Ника, я хотел узнать, вы...

– Вечером, – перебила его я. – Все – вечером. И, кстати, имейте в виду, у меня во дворе собака не привязана, так что стучите в калитку. А то порвет еще.

– Кхм...

– Все-таки у вас точно бронхит! Ничего, я чай с чабрецом и мятой заварю. Хорошо от кашля помогает.

Егор как-то странно посмотрел на меня и двинулся к выходу.

– Не забудьте – в шесть! – крикнула я.

Дверь за гостем захлопнулась, и в комнате сразу стало просторно.

Удивительное дело. Стоит Егору войти в мой домик, как все вокруг сразу кажется игрушечным. Здоровый мужик. Хоть и с бронхитом.

«А что, Ник, может, приватизируем? В хозяйстве такой бугай всегда пригодится!» – радостно зашептал внутренний голос.

– Сгинь, окаянный, – хмыкнула я. – Вон зверинец не знаю, как прокормить, а тут – целый мужик. Большой и явно прожорливый. Мне такой не по карману.

«А может, он и тебя, и твой зверинец на собственное обеспечение возьмет?» – продолжал искушать подлый предатель.

«Тю! Ты где таких мужиков видел? В прошлом веке? Все, хорош сочинять. Ужином накормлю, и отправлю восвояси».

«Дура ты, Ника, – разочарованно протянуло мое второе я. – Так одна и помрешь за своим ноутбуком!»

«Заткнись, а? И не одна я. У меня Крыся есть. И Волчок».

Кстати, этот поганец вчера так и не съел кашу! Явно деликатесов ждет, паразит!

До вечера я успела установить елку, украсить кухню еловыми лапами, приготовить в духовке мясо с картошкой, и напечь блинов. А еще добить и отослать последнюю статью.

Все. Больше можно было не думать о работе – завтра праздник, и я собиралась забыть о проблемах и насладиться жизнью. А для полноты наслаждения нужно что? Правильно, красивое платье и макияж.

Я распахнула древний полированный шифоньер и уставилась на плечики с одеждой. Что тут у нас? Джинсовый сарафан, рубашки, пиджак, пара юбок, несколько платьев. Выбор пал на короткое синее. Оно хорошо подчеркивало фигуру и задорную рыжину волос. Кстати, волосы... С ними тоже нужно что-то сделать! Может, утюжком вытянуть? Или оставить кудри?

Я намотала на палец длинный рыжий локон и отпустила его, наблюдая, как он тут же сворачивается кольцами. М-да. Против природы, что называется, не попрешь. У нас в семье все в бабушку пошли, рыжие и кучерявые.

Подумав немного, решила не заморачиваться и оставить все, как есть. Пусть себе вьются.

Быстренько натянула платье, подкрасила ресницы, мазнула по губам помадой и удовлетворенно кивнула своему отражению. Что сказать? Красотка! Одни глазищи чего стоят!

Егор пришел ровно в шесть.

– Это вам, – протянул мне пакет с фруктами.

Апельсины, бананы, яблоки... Настоящий витаминный набор. Гораздо полезнее банальных цветов. Дельный мужик, хозяйственный, понимает, что нужно девушке.

– Спасибо. Вы проходите на кухню. И давайте сюда вашу шубу.

Егор покосился на меня немного насмешливо и сам повесил на крючок дубленку.

– А где ваш кот? – усевшись за стол, спросил он.

– Сейчас появится. Как только услышит стук приборов, сразу прибежит.

И точно. Стоило мне вытащить из духовки противень, как кошарик нарисовался на пороге кухни.

– Мря-у!

Рыжая усатая морда уставилась на мясо. Проглот. Сколько ни корми, а от добавки никогда не откажется!

– Похоже, он у вас вечно голодный, – словно подслушав мои мысли, хмыкнул Егор.

– Угу. Это его перманентное состояние.

Я выложила на тарелку ломтики картофеля, сверху украсила их кусками свинины и запеченным луком и водрузила блюдо в центр стола. Рядом уже стояли салатники с квашеной капустой и порезанными овощами, отмытая дядина посуда сияла ярко-красными бликами, создавая настоящее новогоднее настроение, и я невольно залюбовалась накрытой «поляной».

– Выглядит аппетитно, – оценил гость.

– Я положу?

– Да, конечно.

Егор попробовал и посмотрел на меня с одобрением.

– А знаете? Вкусно, – заявил он.

Я только понимающе хмыкнула. Мясо по бабушкиному рецепту еще ни разу меня не подводило.

Егор с аппетитом уминал еду, а я сидела напротив, на принесенном с чердака венском стуле, и с умилением за этим наблюдала. Все-таки есть в подобной картине что-то глубинное, древнее. Приготовить для своего мужчины, накормить...

«Никуша, окстись! Какому своему?! – некстати проснулся внутренний голос. – Егор тебе никто! Поест и свалит. А ты тут останешься со своими дурными фантазиями. И, вообще, может, у него жена и трое детей, а ты млеешь!»

– Вы давно здесь живете? – отмахнувшись от неприятных мыслей, спросила у гостя.

– Давно, – загадочно улыбнувшись, ответил тот и снова замолчал.

М-да. Неразговорчивый мачо мне попался.

– А почему тут так тихо? Ни машин, ни людей. Такое ощущение, будто вымерли все.

– Многие разъехались на праздники. А остальные, – Егор едва заметно поморщился, – заняты, видимо.

– Понятно.

Я запнулась, не решаясь задать давно интересующий меня вопрос, но потом, махнув рукой на приличия, спросила:

– А вы один живете или с семьей?

Егор ответил не сразу. Усмехнулся каким-то своим мыслям, пристально посмотрел мне в глаза и ответил:

– Можно сказать, что с семьей.

– Здорово, – кисло протянула я.

«А чего ты ждала? Чтобы такой мужик – и один был?!» – снова влезло второе я, начисто забыв о том, что само мне Егора сватало. Что ж, в зловредности своего подсознания я и не сомневалась.

– А почему вы хотели мой дом купить? – посмотрела в пляшущие в темной глубине янтарные искорки.

– А я и сейчас хочу, – хмыкнул Егор.

У меня внутри все оборвалось. Вот те раз! Выходит, он не отказался от своих намерений? Для того и в гости пришел?

– Зачем? – резко спросила я.

Даже слишком резко. Сама не думала, что меня так заденет это признание. Почему-то казалось, что мачо пошел на мировую и больше не будет настаивать на моем отъезде. А я еще, дура, платье выбирала...

– Чтобы участок увеличить.

Егор выглядел расслабленным и спокойным. Он положил руки на стол и смотрел на меня так доброжелательно, точно в его словах не было ничего ужасного.

– А, так это ваши хоромы мне свет загораживают? – насмешливо спросила у соседа.

– Ника, давайте поговорим разумно?

Егор незаметно подобрался и посерьезнел.

– Вы приехали в незнакомое место, поселились в старом, разваливающемся доме, денег у вас нет, нормальной работы, судя по всему, тоже.

Он замолчал, видимо, ожидая, что я попытаюсь возразить, но я не проронила ни звука. А чего спорить-то? Он абсолютно прав, все так и есть.

– Неужели вам нравится такая жизнь? – тихо спросил Егор.

– А если я скажу, что нравится?

Я отложила вилку и уставилась в окно. Мороз уже успел разрисовать его тонкими узорами. Красиво. По-новогоднему.

– Простите, Ника, но я вам не поверю, – мягко произнес мужчина.

– Да пожалуйста, – пожала в ответ плечами. – Не верьте, но, тем не менее, это так.

– Ника, послушайте...

Егор поймал мой взгляд и неожиданно замолчал.

Зрачки его расширились, крылья крупного носа чуть дрогнули, губы едва заметно шевельнулись, но он по-прежнему не проронил ни звука.

– Что? – не выдержав, спросила я. В душе поднималось проклятое, глубинное, женское... И так захотелось придвинуться ближе, обнять руками могучие плечи, коснуться губ, ощутить вкус поцелуя...

– Уезжайте, – хрипло выдохнул Егор и рывком поднялся из-за стола. – Я дам вам хорошую сумму, но вы завтра же должны уехать. Вот бумаги, тут нужна только ваша подпись, – он выложил на стол какие-то листки с гербовыми знаками.

Ах ты ж... Приземление вышло болезненным. Меня будто штормом на скалистый берег выкинуло. Даже дыхание сбилось. И внутри больно стало, словно с разбегу на каменную глыбу напоролась.

– Даже не подумаю! – пересилив глупые эмоции, с вызовом посмотрела на мачо.

– Ника, вы не понимаете! – повысил голос Егор. – Вам нельзя здесь оставаться!

– Да что вы?!

– Не глупите, – почти прорычал он.

В янтарных глазах зарождалась буря.

– Это пока я говорю с вами по-хорошему, но ведь могу и по-другому.

Егор грозно нахмурился, и я только сейчас заметила, какие огромные у него руки, как перекачиваются под тонкой толстовкой бугристые мышцы и каким натренированным выглядит крупное, гибкое тело. Нет, я и раньше все это видела, но почему-то теперь сила и мощь, исходящие от соседа, показались устрашающими.

– Уходите, – твердо сказала я, глядя в беснующийся расплавленный янтарь.

Егор застыл напротив, не двигаясь с места. Он смотрел мне в глаза, а я чувствовала, что воздух вокруг него вибрирует, как рядом с оголенным высоковольтным проводом. Протяни руку – и сгоришь. Но мне почему-то не было страшно. Страх ушел. А ему на смену пришло странное чувство. Странное и глупое.

– Ты об этом пожалеешь, – глухо произнес Егор.

Широко шагая, он вышел из кухни, схватил с вешалки дубленку и громко захлопнул за собой дверь.

А я уткнулась в скомканный фартук и расплакалась. Стало так больно, как будто из меня душу вынули. Разве так бывает? Разве можно всего за пару дней влюбиться в абсолютно незнакомого человека? Я ведь даже имени его не знала. И что теперь делать? Как выкинуть из сердца проклятого мачо, если он пролез туда без спроса, как вор?

– Хватит реветь! – громко приказала себе. – С ворами у нас разговор короткий – вышвырнуть и забыть. И все.

Егор

Калитка грохнула за спиной, и этот грохот прошелся по телу холодной волной.

Ненавижу чувствовать себя подонком! Мерзкое чувство!

Но как иначе выставить отсюда эту девочку? Как объяснить по-хорошему? Ну не место ей в деревне оборотней! Совсем не место. Еще и полнолуние приближается. Если она останется здесь... Нет, я не могу рисковать.

Проклятый Митяй! Так хотел подгадить стае, что даже молоденькую девчушку не пощадил. Поганный все-таки старик был. Скряга, каких мало, вредный, въедливый, злобный. Неужели не понимал, что делает? Или, наоборот, очень хорошо понимал? Полдеревни одиноких парней. Попробуй удержи их в узде. А ведь если что-то случится, спрос будет с меня. Как же! Альфа не справился, допустил нарушение закона. Не сумел защитить человека.

Видно, Митяй на это и рассчитывал, когда завещание составлял. Бросил девчонку «под танки» и даже не поморщился.

Да только хрен ему! Сегодня в последний раз переночую у этой ненормальной, а завтра сам лично в город отвезу. Хватит дурью маяться. А то ведь и не заметил, как привязался. Себе-то можно и не врать – весь день сам не свой, вечера дожидаться не могу, и только к ночи отпускает, когда Ника рядом. И ладно бы, оборотнем была, это бы еще понятно, но она человек! А с людьми нам не по пути – ни любви истинной, ни детей не будет. Так, маета одна.

Сердце тоскливо заныло. Вот ведь паскудный орган. Чего ему надо? Столько лет не беспокоило, а тут – ноет и ноет!

Дверь закрылась за моей спиной, отрезая нежный тонкий запах Ники. Он шлейфом тянулся за мной от самого дома Митяя.

– Егор Николаевич, вы ужинать будете?

Тетя Маша выглянула из кухни, вытирая руки полотенцем и подслеповато щурясь.

– Нет, – мотнул головой.

Разговаривать ни с кем не хотелось. Внутри все свербело и свербело поганое тоскливое чувство. Вроде, не виноват, а как вспомню расстроенный девичий взгляд, так и тянет крепким словцом выругаться.

Не помню, чтобы раньше когда-нибудь так хреново было.

– Случилось чего? – настороженно спросила тетя Маша.

Видно, почувствовала, что со мной творится.

– Нормально все.

Вот так. Нормально. А дурь, что в голове засела, ничего не значит. Рыжуха – человек. Волчицей от нее не пахнет, да и у Митяя родственников не было, двадцать раз все проверил. С чего он Нике дом оставил и откуда ее знал – ума не приложу. Ни о каких Запольских речи никогда не заходило, вот уж, правда, сумел старик сюрприз преподнести!

Я вошел в кабинет и остановился рядом с окном. Рука сама отодвинула занавеску, а взгляд замер на соседском доме.

Помню, когда-то Ефрем прозвал жилище Митяя «скрюченным домишкой», но сейчас, глядя на яркие шторы, через которые лился веселый желтый свет, понял, что уже не воспринимаю его жилищем злобного старика. Нет. Ника сумела всего за пару дней изгнать оттуда всех «демонов», и теперь это был обычный старый дом, каких в соседних деревнях полно.

На цветастой занавеске качнулась тень. Ника. Интересно, что она сейчас делает? Наверное, моет посуду или кормит своего кота. А может, тоже стоит у

окна и думает о... О чем?

Сердце забило тяжело, неровно. Вспомнились слезы в серых глазах, дрожащие от обиды губы, высокий звонкий голос... И захотелось кинуться в соседский дом, схватить в охапку его дурную хозяйку, прижать к груди и больше никогда не отпускать.

Пересилив себя, включил компьютер, достал из папки договор с подрядчиками и попытался работать, но мысли все равно крутились вокруг девчонки.

Жалко ее. Если верить сведениям, что добыл Чадов, Ника сирота. Кем были ее родители выяснить не удалось, да и остальных данных не густо: родилась в Красноярске, последние несколько лет жила в Москве, а вот что было в промежутке – неизвестно.

Взгляд снова приклеился к окну. Теплый желтый огонек напротив манил, звал, и я не выдержал. Захлопнул папку, закрыл программу и пошел к выходу, сам не зная, что скажу и что сделаю в следующую минуту. Странное ощущение. Никогда со мной такого не было, никогда я не чувствовал подобной растерянности и, одновременно, решимости.

Стоило выйти во двор, как внутри возникло сомнение. Вряд ли Ника меня на порог пустит. Нет, в человеческом обличье к ней лучше не соваться. Выгонит. Лучше уж в зверином. По крайней мере, своего Волчка она на улицу не вышвырнет.

Перекинувшись, тихо прокрался к черному ходу и вошел внутрь.

– Волчок! Где тебя все время носит? – тихо пробормотала Ника и запустила руку в шерсть.

М-мм... Приятно. Да, и вот тут... И правее...

Поймав себя на том, что сам подставляю голову под маленькую ладошку, резко отпрянул. Надо же, забыл, зачем, вообще, явился!

– Ты чего, Волчок?

Что за дурацкая кличка? Дался ей этот волчок? Не видит, перед ней – настоящий волк, а она как с собакой разговаривает.

Как всегда в звериной сущности, мысли приходили яркими образами, короткими фразами, тонули под обрывками эмоций и лавиной запахов.

– Ты голодный? – не отставала Ника. – Нет? Хоть бы гавкнул в ответ. Все молчишь и молчишь!

Ага. Гавкнуть. Нашла песика!

А сердце бухает, набирает темп, нежный женский запах окутывает, туманит сознание, проникает в ноздри и бьет в голову почище вина.

Что за чертовщина?

Слишком сильная реакция. Нужно брать себя в руки, пока окончательно не спятил. И не дышать хоть пару минут, отстраниться от сводящего с ума аромата.

– Ну ладно, – вздохнула Ника. – Не хочешь – не надо. Мне ведь все равно завтра уехать придется. Богатым дяденькам не ко двору пришлась... Не будет мне тут жизни...

В голосе девчонки прозвучала такая тоска, что мне не по себе стало. В груди неприятно похолодело, самоконтроль полетел к черту, и захотелось перекинуться, чтобы обнять, сжать до хруста, всем телом ощутить, в губы впиться...

– Думала, хоть здесь себя дома почувствую, – грустно шептала Ника, поглаживая мои уши. – А этот... И ведь показался нормальным мужиком, а вот, надо же... Домик ему мой мешает, видите ли! Участок расширить... И так, не жизнь, а сплошная дорога. Все бегу, бегу... И конца этому не видно.

Она всхлипнула и уткнулась в мой загривок.

Эй, ты чего?

На язык попали соленые капли, а с губ девчонки слетел новый всхлип.

Да что ж такое-то?! Сердце сделало какой-то немыслимый кульбит и сорвалось с цепи.

– Представляешь, Волчок, а он мне понравился, – вперемешку с хлюпаньем, шептала Ника. – Первый раз со мной такое, после бабушкиной смерти. Как будто родного человека встретила. Вот, совсем своего. А он... Таким же козлом, как и все, оказался.

Внутри все дернулось, отзываясь на это признание.

«Моя! – билось в душе. – И плевать, что она человек. На все плевать. Никому не отдам! Никому и ничему!»

По позвоночнику прошла жаркая дрожь.

Я сам не заметил, как зверь ушел под кожу, как изменилось зрение, как вместо лап появились руки, которые обняли худенькие вздрагивающие плечи. И я отпустил себя. Пусть говорят, что человек оборотню не пара. Это ничего не значит. Всегда есть выбор. И мой выбор – вот он. Рыжая, смешливая девушка, с самыми красивыми глазами на свете и с лучистой улыбкой, от которой на сердце становится тепло и солнечно.

Наплевав на все, перестал с собой бороться и сделал то, что хотелось сделать с первой минуты, как ее увидел. Руки сжали тонкую талию, губы нашли соленый от слез рот, и мир вокруг изменился, став совсем другим, не таким, каким был еще час назад.

«Моя! – снова зазвучало внутри. – Никому не отдам!»

А в ответ неожиданно послышалось:

– Твоя. Только твоя!

Не веря себе, уставился в огромные сияющие глазищи и переспросил:

– Ты меня слышала?

Но как? Как такое может быть? Она же не моя пара. Или... Неужели старинные легенды о том, что пару можно найти и среди людей – правда?

– Ну я же не глухая! – счастливо улыбнулась Ника и потянулась к моим губам.

Значит, правда услышала. Удивительная девушка! Казалось, она не заметила ни моего превращения, ни исчезновения своего Волчка. Она даже не задумалась, как я здесь оказался.

– Егор, – прошептала моя рыженькая, и мне стало не до размышлений. Не помню, как донес Нику до дивана, как снял с нее то самое синее платье, которое весь вечер сводило меня с ума, как сжал в ладонях мягкую, спелую грудь...

Слов не было. Абсолютно. Да и что говорить? Никогда раньше, ни с одной женщиной мне не было так хорошо, как сейчас с Никой.

Все-таки пара... Черт! Как такое возможно? Люди и волки – два разных мира. Мы разные во всем: в поведении, в возможностях тела, в эмоциях. В нас слишком много от звериной испостаси даже в человеческом обличье: мы сильнее, жестче, менее подвержены болезням, чем обычные люди, да и чувствуем все иначе.

А тут вдруг... Ника.

Мягкое, податливое тело под моими руками, ямочки на пояснице, крутой изгиб бедер... Чертовски красивая и соблазнительная! И как удержаться, как не забыть о том, какая она хрупкая?

Дыхание сбивалось, волк рвался наружу, принуждая меня завершить привязку, и мне с трудом удавалось его сдержать. Не хватало еще причинить Нике боль.

Движение, еще одно, и вот уже мы – одно целое.

Я почти оглох от грохота бьющегося о ребра сердца. Зашибись, ощущения... Знал, что с парой все иначе, но даже не догадывался, насколько.

Рыжие волосы Ники разметались по покрывалу, колдовские глаза потемнели, в них горел яркий огонь, влажные губы приоткрылись в беззвучном призыве.

– Ника.

Мне хотелось произносить ее имя снова и снова, перемежая его поцелуями.

– Ника...

– Что, Егор?

Серая глубина закружила, утянула, обдала жарким огнем...

– Выйдешь за меня? – сорвалось с языка.

– Это предложение? – хитро усмехнулась рыженькая.

Она приподнялась на локтях и окинула меня нарочито оценивающим взглядом. Нашла время веселиться.

«Да» упало тяжелым камнем. Наверное, впервые в жизни я почувствовал волнение. Как много всего впервые. Что, если она не согласится? Что, если не поверит?

– Ну...

Ника вывернулась из моих рук и села по-турецки.

– Тебе так нужен мой дом?

В лукавых глазах заплясали яркие искорки. На щеках появились ямочки, и я не удержался, коснулся одной из них пальцем. Такая мягкая кожа... И запах. Нежный, сводящий с ума, особенный.

– Мне так нужна ты.

Я взял ее руки в свои и твердо сказал:

– Отрицательный ответ не принимается.

– А я и не собиралась говорить нет, – расплылась в улыбке Ника.

– Только, тебе не кажется, что мы немного торопимся? Ты ведь ничего обо мне не знаешь. Да и я о тебе тоже.

– Это нетрудно исправить.

Слова дались мне легко, но вот внутри этой легкости не было. Как объяснить Нике, куда она попала, и кто мы такие? Как заставить ее поверить в то, что для обычных людей кажется сказкой? И как убедить в том, что теперь мы друг без друга не выживем?

– Расскажешь о себе? – устраиваясь рядом, тихо спросила Ника. – Кстати, как ты здесь оказался? Нет, я, конечно, привыкла, что ты все время возникаешь неизвестно откуда, но сегодня... Что это было? И куда делся Волчок? Вечно он исчезает в самый неподходящий момент! Ой, я слишком много говорю, да?

Моя рыженькая улыбнулась, и в ее глазах загорелся едва заметный огонек.

Ника-Ника... Что ж ты со мной делаешь? Смотрю, и хочется снова подмять под себя, заклеить, присвоить навсегда. Осталось только рассказать...

Что ж, ничего другого мне не остается. Выложу всю правду, и будь что будет.

Я обнял Нику крепче. Признание далось мне тяжело, но от того, сумею ли донести все правильно, зависело мое будущее – наше будущее, – и я говорил, объяснял, убеждал, обещал...

Смотрел в расширившиеся от удивления глаза, и искал в них страх и неверие, но ничего этого не было.

– Так не бывает, – покачала головой Ника.

Она чуть наклонилась вперед и закусила губу.

– Я понимаю, тебе трудно поверить...

– Нет, ты не понимаешь, – перебила меня Ника. – Так не бывает. Этого просто не может быть! Ты – оборотень.

– Да, оборотень, но тебе не нужно меня бояться.

– Я не боюсь, – отмахнулась рыженькая и замерла, пристально глядя мне в глаза.

Ника

Я смотрела на Егора, а мир вокруг стремительно менялся, возвращая меня в прошлое, окутывая запахами тайги, прелой травы, нагретой солнцем земли и ароматом малины.

Я слышала голоса, протяжный волчий вой, снова видела забытые лица и белозубые улыбки. Стая, родители, брат, волчья жизнь – то, что, казалось, ушло безвозвратно, снова вернулось и заставило меня посмотреть на все вокруг по-другому. Оборотни... Столько времени прошло, память стерла былое, оставив лишь обрывки, но оказалось, что я все помню. Даже удивительно. Перед глазами поплыли яркие картинки: залитая солнцем поляна, резвящиеся щенки, колючие кусты, плетеные лукошки, доверху наполненные красными сочными ягодами. И сладкий вкус на губах. И добрая улыбка мамы...

– Ника?

Голос Егора звучал напряженно.

Я провела ладонью по его колючей щеке и вздохнула. Кто бы мог подумать, что все так обернется? Я давно забыла о том, кто я. Столько лет жила, как обычный человек, вытравливала из себя свою непохожесть на других, стремилась забыть страшную правду, а теперь смотрю в горячие янтарные глаза и понимаю, что ничего не забыла. Что там, глубоко внутри, я все та же Вероника Полянская, и

мое прошлое перестало быть прошлым, превратившись в настоящее.

Егор

– Ника?

Я начинал всерьез волноваться. Может, не стоило вываливать на Нику все вот так сразу? Наверное, нужно было как-то подготовить, попытаться смягчить реальность, дать возможность привыкнуть ко мне и только потом огорошивать признанием.

Я смотрел на задумчивое лицо девушки, и пытался просчитать, чего от нее ждать. Истерики? Вроде, непохоже. Страха? Нет, она не боится, я бы почувствовал. У страха отвратительный кислый запах, его ни с чем не спутаешь. Тогда почему она молчит? Думает, как пожемлинее от меня избавиться?

Сердце кольнуло холодной иглой. Нет. Не позволю. Не отпущу. Костями лягу, но не дам уехать.

Волк взволнованно рыкнул, при одной только мысли, что Ника может уйти.

Нет, она не уйдет. Понятно, что ей сложно принять правду, но ведь пока она не сбежала?

– Мои родители тоже были оборотнями, – тихо произнесла Ника.

– Что?

Пришла моя пора удивляться. Черт! О чем она?

– Отец был альфой красноярской стаи, – пояснила рыженькая, убрав со лба мешающийся локон.

Вот это поворот. Стоп. В красноярской стае не было альфы Запольского. По крайней мере, последние пятнадцать лет.

– И где он теперь?

Пазл не складывался. А волк, не желая вникать в подробности, рвался наружу, путал мысли, скулил и требовал закончить разговор и перейти к действиям.

– Родители умерли, когда я была маленькой. Меня воспитывала бабушка, – коротко ответила Ника и тут же спросила: – А ты?

Я понял, что она не хочет говорить о своем прошлом. Что ж, у нас еще все впереди. Я обязательно все выясню, но не сейчас, позже, когда Ника сможет мне довериться.

– Твои родители живы? – маленькая крепкая ладонь легла на мою руку.

– Нет. Я тоже один, – качнул головой и потянул Нику на себя.

Хватит разговоров. Никуда они от нас не денутся.

– Егор...

Ника охотно ответила на мой поцелуй, и все разумные мысли исчезли, уступив место тому горячему, что кружило между нами, сбивало дыхание и напрочь выключало разум.

Глава 4

Инга

Я завидовала. Завидовала сильно, по-черному.

Смотрела на рыжую и не могла побороть противное, ноющее, как зубная боль чувство. Оно разъедало душу ржавчиной, оставляло на губах горький привкус полыни, оседало в ноздрях запахом прелого мха. Отвратное ощущение. Мерзкое.

Сердито фыркнув, отвернулась от целующейся парочки и потрусила прочь. Нетронутый снег хрустко скрипел под лапами. Лес расступался. Высоченные ели выстраивались в затейливый хоровод, гибкие березки белели тонким кружевом, нагие осины стыдливо жались друг к другу, торопливо спускаясь с пригорка в низину, к воде.

Я скатилась к ручью и с трудом затормозила всеми четырьмя лапами.

Тихий плеск пролился на горящую душу прохладным бальзамом. Гремящий. Древнее место силы, вскормившее несколько поколений волков.

Перекинулась, опустилась на колени и склонилась к плоским камням, по которым весело бежал шумный поток. Подтаявший снег хрупко обломился под ладонями.

– Отпускаю все обиды и злобу. Пусть уйдут они водою студеной да ветром стылым, – прошептала своему отражению и умылась.

Когда-то бабушка научила меня этому старинному наговору, сказав, что в жизни все может пригодиться. Что ж, она была права. Пригодилось. И не раз.

Ледяные капли стекали по коже, попадали за ворот куртки, подбирались к груди. Образ целующейся пары, стоящий перед глазами, постепенно растворился и исчез. На душу опустился покой. Я уселась у выступающих корней и бездумно уставилась на журчащую воду, не замечая ни холода, ни прячущегося за кронами деревьев солнца, ни медленно застывающего сердца.

Хорошо... И не болит больше ничего.

Треск обломившейся под тяжестью снега ветки заставил меня очнуться. Надо же, совсем не заметила, как начало темнеть. Я оглянулась по сторонам. Тишина.

Только с молоденькой березы сыплется белая крошка. Она кружит в воздухе и неслышно оседает на высокий сугроб, и эта маленькая метель вызывает ненужные воспоминания.

Перед глазами снова возникло любимое лицо. Темные, густые брови, внимательный взгляд из-под них, сурово сжатые губы и нос с горбинкой. Она совсем небольшая, эта горбинка. Ее видно только вблизи, и то, если очень хорошо присмотреться.

Я грустно усмехнулась. Теперь мне больше не придется присматриваться. Место занято, как говорится. И главное, кем? Какой-то пришедшей девчонкой, которая приехала неизвестно откуда и поселилась в соседнем доме. В том, что Митяю принадлежал.

В груди снова заворчалось темное и недоброе. И дышать больно стало. Так, будто ребра тисками сжали. И захотелось избавиться от своих чувств, выкинуть их из сердца, утопить в Гремящем и забыть. Забыть о тех коротких ночах, когда женщиной себя почувствовала, избавиться от желания под сильной мужской рукой оказаться, защиту ощутить и уверенность в том, что не придется больше одной быть. И радость, что в душе робкой надеждой проклюнулась.

Не выдержав, перекинулась и с разбегу прыгнула в воду. Холод окатил тело, пробрался под шерсть, к самой коже, остудил голову и вернул ясность мыслей. Хорош страдать. Никому мои глупые мечты не нужны, вот и нечего навязываться. Егор свое счастье на стороне нашел. А я...

Выбралась на берег и встряхнулась. Все. Пора домой. Подурила – и хватит.

Назад возвращалась дальней тропой, огибающей Волчью поляну. Смотреть на чужое счастье не хотелось. Зачем? Пусть себе наслаждаются.

Подмерзший наст поскрипывал под лапами, с неба медленно падали снежинки. Солнце уже скрылось за верхушками елей, и в лесу заметно потемнело.

– Инга? – удивленный мысленный окрик заставил меня остановиться.

Черт! Только Чадова не хватало. Что он здесь забыл?

Волк стоял посреди ельника и смотрел тяжелым взглядом прищуренных желтых глаз.

– Гуляю, – с насмешкой взглянула в горящие черные зрачки.

– Одна? В такое время?

– А что? Имею право.

Мыслеобразы Чадова окрасились в темный. Его голос в моей голове зазвучал в приказном тоне.

– Давай за мной. Альфа ясно сказал, чтобы никто не бродил по лесу в одиночку.

– А ты? Тебе можно?

– Это моя работа, – спокойно ответил волк.

Работа... Странно только, что глава безопасности лично занимается обходом территории.

Молча подчинившись, потрусила вперед. Присутствие Чадова за спиной раздражало, но я старалась подавить недовольство. Не время психовать. Волк не должен догадаться, что я чувствую.

Скорость росла. Я торопилась избавиться от ненужного конвоя, почти не замечая мелькающие мимо осины и легко уворачиваясь от еловых лап.

Сэм больше не пытался со мной заговорить. Он бежал следом, и от него исходили сила и уверенность, так похожие на те, что переполняли обычно Егора.

«Не думать о Брагове. Не думать, – застучало в голове. – Он – чужой. Табу».

Добежав до березовой рощи, я остановилась, разглядывая открывающуюся с пригорка картину. Сердце привычно дрогнуло. Волчий Лог лежал передо мной, как на ладони. Ровные стрелы улиц, серые крыши домов, вечнозеленые самшитовые изгороди. Вдали, за укрытыми снегом яблоневыми садами, виднелось белое здание усадьбы. Родная и с детства знакомая картина.

– Надеюсь, дальше дойдешь сама?

В вопросе Чадова не было иронии. Сэм вообще не умел иронизировать. И чувством юмора не блистал, впрочем, как и любыми другими чувствами. Непрошибаемый и невозмутимый, как чурбан. Старый верный пес Егора.

– Не беспокойся, не заблужусь, – буркнула в ответ и перекинулась, представив одежду, в которой выходила из дома. По спине пробежал холодок.

– Теплее одеваться надо, – наставительно произнес Сэм.

Он уже успел вернуть себе человеческий облик и теперь пристально смотрел на меня своими грязно-желтыми глазами. Крупный, словно из грубого камня вырезанный, с криво опущенным из-за шрама уголком рта и некрасивой белой полосой, пересекающей лицо от уха до подбородка, Чадов выглядел немного устрашающе. Неподготовленный человек точно бы испугался, если бы этого громилу увидел. Нет, остальные волки тоже не маленькие, но этот...

– Иди уже, нянюшка, – хмыкнула я, натягивая рукава пониже.

Правда, это особо не помогло. Мороз крепчал, а куртка была слишком легкой даже для осени, не то, что для зимы. Я ее пару лет назад на распродаже в «Манго» купила, очень удачно, почти даром, хотя она была не из дешевых. Так с тех пор и таскаю. Что сказать? Дурацкая привычка. Влезу в одну вещь, и не могу ее потом на другую поменять. Прикипаю, как к родной.

– Иди, чего стоишь? – посмотрела на Сэма, не зная, как от него отделаться. – Тебе ж еще дальние окраины дозором обходить.

Ничего не ответив, Чадов развернулся и исчез в лесу, а я, облегченно вздохнув, спустилась к дороге и пошла к поселку.

Хруп... Хруп... Хруп... Снег тихо хрустел под ногами. Этот звук так напоминал хруст кукурузных палочек, которые любит Никитка, что я невольно улыбнулась. При мысли о сыне стало теплее. Правда, мороз, будто почувствовав, что жертва приободрилась и ускользает из рук, тут же взялся за меня всерьез. Он щипал щеки, пробирался под тонкий свитер, проходил по голой шее ледяным шарфом, заставляя ежиться и прибавлять шаг. И я уже почти бежала, стараясь быстрее оказаться в тепле родной кухни.

Не сбавляя скорости, миновала водокачку, обошла новый дом Соломиных, стоящий на отшибе, и свернула на Лиственную. Позади послышался рев двигателя, и меня обогнал «БМВ» Гладкова. Черная машина хищно мигнула фарами, подняла шлейф белой поземки и рванула к перекрестку. Ее немного занесло на повороте, но Костя так и не сбавил скорость. Наверное, в город торопится, к своей девушке. Игорь говорил, что наш доктор завел какую-то зазнобу, но шифруется, не хочет от Егора нагоняй получить, за то, что с простой женщиной связался. Можно подумать, альфа не узнает... Брагов знает все и про всех, а если что-то и упустит, так ему Сэм доложит. В лучшем виде.

Я усмехнулась и припустила быстрее. Интересно, Никитка уже от Никона вернулся, или опять допоздна засидится? С одной стороны, плохо, что сын так привязался к чужому волку, а с другой... Что я могу возразить, если мальчишке мужское влияние нужно?

Я так задумалась, что, только дойдя до дома, заметила знакомую невысокую фигурку.

– Инга! Можно вас?

Твою ж мать! Опять эта рыжая! Третий день мне проходу не дает. Как познакомились, так и крутится рядом. Хотя, познакомились – сильно сказано. Эта ненормальная сама ко мне привязалась и буквально вынудила назвать свое имя, а перед этим с непонятным воодушевлением известила, что она Ника и что мы теперь соседи. А уж радовалась как, когда я неохотно представилась! Можно подумать, сестру потерянную нашла.

– Здравствуйте, Ника.

Приветствие вышло не очень. Как я ни пыталась пересилить собственную неприязнь, она проскальзывала в голосе, и чуткое ухо могло ее уловить.

Пара альфы, безусловно, не была глухой.

– Похоже, я вам не нравлюсь, – обезоруживающе улыбнулась она и уставилась на меня своими наивными серыми глазищами.

А глаза у нее, между прочим, красивые, тут уж не придерешься. Такой необычный теплый цвет. Смотрит – и будто пуховым платком окутывает, укрывает от холода и тоски.

– Вам показалось, – сбросив непонятное наваждение, сухо ответила девчонке.

И кого я пытаюсь обмануть?

Рыжая не поверила.

– Возможно, когда мы узнаем друг друга поближе, ваше мнение обо мне изменится к лучшему, – дипломатично заметила она, и я криво усмехнулась.

Точно, чокнутая оптимистка! Прав был Глеб, когда назвал так пришлую. Это ж надо! Приперлась в Волчий Лог, поселилась в убогой развалюхе и горя не знает. Сразу чувствуется, жизнь ее еще не учила.

– Вам что-то нужно? – искоса посмотрела на Нику, пытаюсь понять, что Егор в ней нашел. Мелкая, рыжая, за веснушками лица не видно. Яркий пуховик выглядит на пару размеров больше – то ли модный оверсайз, то ли с чужого плеча, не поймешь. Вязаная шапка все время сползает на лоб, и соседка поправляет ее двумя руками, как ребенок. Разве такой должна быть пара альфы?

– Ага, – энергично кивнула девчонка, подстраиваясь под мой шаг. – Я знаю, что вы заведуете музеем. Сможете провести для меня экскурсию? Нет, не сейчас, конечно, – зачастила рыжая. – Когда у вас будет время.

Я недовольно вздохнула. Вот же, репей липучий! Чего она ко мне привязалась?

– Завтра с утра у нас инвентаризация, приходите после обеда, – ответила вслух. – Думаю, к этому времени я уже освобожусь.

Я старалась говорить вежливо, но голос срывался на рык.

– Обязательно приду, – радостно кивнула Ника и улыбнулась мне так, что губы невольно дрогнули в ответ.

– Договорились, – я постаралась вернуть лицу серьезное выражение.

Рыжая улыбнулась еще шире и потопала к своей развалюхе. Старый дом Митяя выглядел на нашей улице, как лишай на здоровом теле: маленький, покосившийся набок, с нелепыми башенками и уродливым флюгером на крыше. Правильно Ефрем его прозвал, настоящий «скрюченный домишко». Наверное, свой рассказик Агата Кристи вот с такого же «теремка» писала.

Ника дошла до калитки, оглянулась на меня, махнула рукой в разноцветной перчатке, и снова расплылась в улыбке. М-да. И не надоело девчонке в такой камерке жить? Егор свою ненаглядную уже который день уламывает, просит к нему переехать, а эта мелочь уперлась, и ни в какую. Тоже мне, цаца. Специально выламывается. Власть свою проверяет.

Почувствовав, как в душе снова заворчалось то темное, чужое, попыталась взять себя в руки. Я должна отпустить свои чувства. Они никому не нужны: ни мне, ни Егору. Точнее, Егор о них и знать не знает. Подумаешь, сошлись пару раз при луне, утолили голод двух одиночеств, разве ж это повод для настоящей привязки?

Если бы еще сердце сумело принять эту истину, так нет же. Оно, упрямое, все на что-то надеется. Ноет и ноет, будто больной зуб, когда и не знаешь, что лучше – то ли вырвать с корнем, то ли попытаться залечить. Знать бы еще, чем...

Я вздохнула, перекинула косу за спину и решительно направилась к дому.

– Мама!

Не успела я открыть калитку, как на меня обрушился настоящий ураган. Горячие ладошки нырнули под свитер, в грудь уткнулся курносый нос, а из-под светлой челки блеснул чуть более радостный, чем обычно, взгляд.

– Никитка! – обнимая сына, улыбнулась в пушистый воротник детского пальтишка и почувствовала, как уходят из души горечь и чернота. И чего, спрашивается, я расклеилась? Когда тебя так встречают, разве это не счастье? Зачем мне мужчины? Жила ведь без них раньше? Вот и сейчас проживу.

Я посмотрела на своего ребенка и поправила его стоящую торчком челку.

– Ты почему во дворе? Я же просила не выходить.

А строгости в голосе-то и нет. Не могу сердиться на Ника. Не могу – и все. Хотя уже не раз просила не выскакивать во двор без дела, когда меня нет, а этот поросенок все равно не слушается.

– Я к Никону хочу, – на меня просительно уставились большие серо-зеленые глаза.

Не по-детски серьезные, чуть раскосые, с едва заметными крапинками. Пройдет совсем немного времени, и эти крапинки растекутся по радужке ярким янтарем, засияют взрослой мужской силой, нальются настоящей волчьей желтизной.

– Уже поздно. Завтра с утра пойдешь, – не поддалась на уговоры.

– Ну, мам!

– Я сказала, нет.

Главное, не показывать слабинку. С маленькими оборотнями это особенно важно. Да, и с большими тоже. Стоит только один раз уступить – и все, привыкнут и перестанут считаться. Ничего не поделаешь, натура у волков такая, а против натуры, что называется, не попрешь. Помню, поначалу, когда в Лог из города вернулась, многие пытались мной командовать, уму-разуму учить, да только не вышло у них ничего. Не на ту напали. «Бабкин характер», как сказал тогда Чадов.

– Нет, Ник, – повторила я и, отпустив мальчика, подтолкнула его к дому.

– Никон обещал чучело белки показать, – сын обернулся ко мне и посмотрел с надеждой.

– Белка живая?

– Мам, ты чего? Она же чучело!

– Значит, до завтра никуда не убежит, – хмыкнула я и, показывая, что спор окончен, буднично добавила: – Валенки от снега обей.

Ник что-то буркнул, но против железной материнской логики возражать не решился. Он грохнул по решетке сначала одной ногой, потом – другой, и шустро заскочил в сени.

Я зашла следом, разулась, влезла в вязаные тапочки, но куртку снимать не стала. Все никак согреться не могла. Видимо, слишком долго у ручья просидела, нужно было раньше уходить.

В сенях было прохладно и пахло свежими яблоками и сеном. Обожаю этот аромат. В нем так много лета, тепла, солнца...

Я подошла к большой плетеной корзине, в которой блестели боками крупные красные яблоки, достала одно и поднесла к лицу. Аромат стал еще сильнее.

– Зайку кормил? – посмотрела на Никитку.

– Кормил, – отрапортовал сын. – И Борьку тоже. И гарем его.

Борька был огромным боровом, упрямым и злопамятным. Я купила его в прошлом году и уже успела не раз об этом пожалеть. Не все животные хорошо уживаются с оборотнями. Пусть мы и люди, большую часть времени, но дух-то волчий никуда не денешь. И если курам и уткам все равно, то козы и свиньи реагируют. Особенно кабаны. Что еще раз доказывает, что все мужики... Проблемные, короче.

– Я же говорила, не лезь ты к свиньям. Я сама.

Отложила яблоко и сняла, наконец, куртку.

– Ты и так все сама. И за бабу, и за мужика. Не дело это, мам, помощь тебе нужна, – рассудительно заметил мой шестилетка, и я вдруг посмотрела на него другими глазами.

Растет мой мальчишка. Совсем самостоятельным стал.

– Может, наймешь кого? – продолжил Никитка.

В груди что-то сжалось. Маленький мой, если бы все было так просто! Тут и так еле выкручиваемся, откуда ж на работников деньги брать?

– А зачем нам чужие люди в доме? У меня вон какой помощник есть! – отбросив упаднические мысли, улыбнулась я. – Ладно, идем ужинать. Я с утра тыквенную кашу запарила.

– Опять каша! – скривился Ник, но покорно поплелся на кухню.

Ага. Скажи ему, что еще курица есть, так он на тыквач и не посмотрит. Нет уж. Пусть сначала полезную кашу съест. А то знаю я его. Научился у Никона, что еда – это мясо, а все остальное, так, трава. И упирается. Правда, спорить пока не решается. Но это пока. Чувствую, подрастет еще немного, и совсем от нормального питания откажется. Он может. И в кого такой упрямый?

Я наблюдала, как сын расправляется с ярко-оранжевой кашей, от которой шел нежный аромат тыквы и сливочного масла, и чувствовала, что от былой тоски не осталось и следа. Правда, чего я так злилась? Неужто не сумею взять себя в руки и забыть никому не нужные чувства? Конечно, сумею. Мне бы только с рыжей пореже встречаться, хотя бы первое время.

– Ник, еще мясо есть, – отвлеклась от своих мыслей.

– Ну, мам! Ты всегда так! Я бы эту гадость и не ел, если бы знал, что настоящая еда есть!

Вот так. Настоящая еда. Так я и знала.

– Мужчина должен есть только мясо, – уписывая за обе щеки куриные рулеты, невнятно пробубнил Ник, а я только головой покачала. Вот оно, «суровое» воспитание Никона. Скоро я этого маленького «мужичка» не прокормлю.

Сын доел, отложил ложку, вскинул на меня серьезный взгляд и спросил:

– Мам, а правда, альфа скоро женится?

– Правда.

– На пришей?

В зеленых глазенках заплясали любопытные искорки.

Я незаметно вздохнула. Откуда вдруг такой интерес? Маленький же еще подобными темами интересоваться. Или он просто повторяет то, о чем говорит весь Лог?

– Да, на пришей, – ответила своему любознательному сыну.

– А почему на ней? – не отставал Никитка.

Он подпер голову кулаками и уставился на меня с тем выражением, с каким обычно сказки на ночь слушал, когда совсем крохой был.

– Она его пара, Ник.

Я старалась говорить спокойно, но в душе снова засвербело. Даже дома не могу избавиться от этой рыжей. И чего она в наш поселок приперлась?

– А ты? – Никитка сосредоточенно нахмурился, а в его взгляде застыла совсем не детская грусть. Снова.

Сердце на мгновение сжалось. Как же мне хотелось, чтобы мой ребенок жил так, как все: играл, веселился, был беззаботным и счастливым. Порой мне казалось, что это почти так и есть, но потом один такой вот взгляд – и все прежние страхи возвращались, заставляя меня пристальнее всматриваться в серо-зеленую глубину слишком серьезных глаз.

– Ты тоже чья-то пара? – продолжал допытываться Ник.

– Наверное, – я пожала плечами, постаравшись перебороть свои страхи.

В самом деле, чего это я? Гладков сказал, что Ник обязательно перерастет все эти «мелочи», да я и сама вижу улучшения. В последнее время Никитка стал гораздо общительнее и посторонних почти не боится. А в школе у него даже друзья появились, о чем я уже сколько времени мечтала.

– А почему тогда ты одна? – нахмурился Ник.

Светлые брови смешно сошлись на переносице, а на лице появилось немного упрямое выражение. Вылитый дед.

– Разве ж я одна? У меня ты есть, а больше мне никто не нужен, – как можно беззаботнее улыбнулась в ответ, и почувствовала, как больно кольнуло сердце.

Ой, вру... Нужен. Еще как нужен. Только я ему без надобности.

Никитка нахмурился еще больше, пытливо вглядываясь мне в лицо.

– А я когда вырасту, тоже найду себе пару, да? – спросил он.

– Конечно, найдешь.

– Обязательно?

– Да.

– Ну вот, значит, будет у тебя помощница и не придется чужих в дом брать, – неожиданно выдал сын и соскочил с табуретки. – Спасибо, ма. Я наелся.

Он шустро отнес тарелку к раковине и повернулся ко мне.

– Я пойду, поиграю?

– Иди, сынок, – кивнула в ответ.

Ник тут же умчался к компьютеру, и вскоре из комнаты уже слышались звуки пальбы и громкие довольные возгласы.

Я усмехнулась. Да уж... С тех пор, как Яр принес нам эту старую железяку, прошло всего пару месяцев, а сына уже умудрился освоить технику и рубится теперь в какую-то сумасшедшую стрелялку с видом заправского геймера.

Я поднялась из-за стола, собрала посуду, вымыла ее и сложила в сушку.

Бросив полотенце в машину к остальным вещам, запустила стирку, достала коробку с вязанием и уселась в любимое продавленное кресло. В нем еще моя бабушка вечерами сживала. Я его ни на какое другое не променяю!

В кухне уютно тикали ходики, тихо жужжала машинка, изредка порывивал холодильник, тоненько звенели спицы. Я накидывала петли, стараясь не сбиться со счета, и раздумывала, сумею ли довязать свитер за оставшиеся два дня. По всему выходило – успею. Мне только горловина осталась и манжеты. Справлюсь.

А дальше мысли свернули на обычную прозу жизни.

За костюм Ядвига трешку даст. Молоко и мясо в город отвезу, считай, еще двадцатка. Как раз на ремонт детской хватит. А там и до спальни доберусь. Может, у Янки займу. Или кредит возьму.

Я накинула добавочную петлю и вздохнула.

В соседней комнате гремела компьютерная мышь, которой сражался мой Никитка, за окном крупными хлопьями валил снег, машинка натужно тряслась и

ходила ходуном, наращивая обороты. Обычный вечер обычного дня. Такой же, как сотни других.

Грех жаловаться на судьбу. У меня есть самое главное – мой ребенок. А мужчины... Что ж, не везет мне с ними, ну и ладно. Как-нибудь сама проживу.

Я подняла глаза и бросила взгляд на еле видную за тучами луну. Она исподтишка заглядывала в окно и тихо наблюдала за мелькающими в моих руках спицами, а мне неожиданно стало так хорошо и спокойно, что захотелось придумать для себя что-то приятное, вроде утешительного приза. Может, в город с Ником на выходных смотаться? Сходить в кино, поесть мороженого, купить какую-нибудь мелочевку. А что? Нужно же себя как-то радовать? Решено. Если успею разобраться с делами, обязательно устрою нам с Никиткой развлекательную программу. Настоящую и безоговорочную.

Утром я проспала. Впервые за последние шесть лет, между прочим. Разнежилась чего-то, залежалась и не услышала будильник. И теперь мы с Никиткой собирались в бешеном темпе.

– Дневник взял? А сменку?

Я металась по дому, торопясь втиснуть в оставшиеся несколько минут все утренние дела.

– Мам, все я взял, идем уже, – нетерпеливо встряхнул головой Ник.

– Так, животину покормила, кур закрыла, – я озабоченно нахмурилась, пытаюсь вспомнить, что еще не сделала. – Стоп. Мясо из морозилки забыла достать.

– Мам, я пойду, а то опоздаю, – ребенок переступил с ноги на ногу и покосился на дверь. Порой я жалела, что отдала его в школу так рано, но, с другой стороны, не сидеть же ему дома, пока я торчу на работе? Да и общение со сверстниками Никитке только на пользу.

– Ладно, беги, – кивнула в ответ и тут же спохватилась. – Стой, Ник!

– Ну, мам! – тут же возмутился сынка. – Я уже большой.

– Я помню.

Ухватив упирающегося сына, поцеловала его и подтолкнула к двери.

– Вот теперь иди.

Дверь в сенях хлопнула, и Никитка вылетел из дома.

«Большой...» Конечно, как же... Почти мужчина. А ночью, когда снятся кошмары, все равно к маме под бок приходит.

Усмехнувшись, вытащила из морозилки окорочка, бухнула их в раковину и сполоснула руки. Все. Можно было уходить. Время пошло.

Быстро выскочила из дома, втиснулась в машину, вставила ключ в замок зажигания и нетерпеливо скривилась. Моя красавица торопиться не желала. Она интеллигентно чихнула, пару раз фыркнула, немного подумала и только после этого заработала.

– Давай, девочка, просыпайся, – бормотала, постукивая по рулю.

И почему, когда торопишься, все вокруг кажется таким медленным?

Я с трудом дождалась, пока прогреется двигатель, выехала за ворота, бегом вернулась, чтобы их закрыть, а потом захлопнула дверцу и рванула с места. Выезд из поселка, два километра проселочной дороги, указатель – до работы доехала за считанные минуты.

И привычно улыбнулась, разглядев среди заснеженных лип белокаменную усадьбу. Высокую, всю какую-то воздушную, с изящными колоннами и красивыми портиками. Жаль, полюбоваться ей времени не было.

Бросив «Калину» на стоянке перед воротами, добежала до парадного входа, рывком распахнула дверь, влетела в холл и тут же врезалась в чью-то мощную

грудь.

– Твою ж дивизию! – громко выругалась, потирая ушибленный нос.

– А ну, не выражайся! – строго цыкнул Чадов.

Черт! Только его здесь не хватало! Вот уж точно, если утро не задалось, то и весь день таким же будет. Интересно, чего Чадов забыл в усадьбе? Он тут не частый гость, да и прошлое совсем не его конек. Тогда что ему нужно?

Все эти мысли пронеслись за одну секунду, а уже в следующую я попыталась выбраться из крепких рук, но Сэм не позволил. Он встряхнул меня за плечи и оглядел внимательным взглядом. Видимо, желал удостовериться, что со мной все в порядке.

– А то что? – с вызовом посмотрела в сумрачные темно-желтые глаза. – Сладкого лишишь?

– И лишу, если нужно будет, – спокойно кивнул волк и строго спросил: – Почему опаздываешь?

– Проспала, – буркнула в ответ.

Тоже мне, начальник нашелся!

– Ясно.

В суровом лице что-то дрогнуло. Шрам, пересекающий щеку, некрасиво дернулся, и я почувствовала, как в душе шевельнулась тоска.

– А ты чего здесь забыл? – не желая прислушиваться к непонятным ощущениям, вывернулась из железной хватки и отступила на безопасное расстояние. Терпеть не могу, когда кто-то трогает без разрешения.

– Дело есть, – как всегда немногословно ответил Чадов.

Он подтолкнул меня в сторону кабинета.

– Что за дело? – устроившись за столом и кивнув волку на кресло, уточнила я.

Сэм не торопился с ответом. Он медленно обвел глазами комнату, задержался взглядом на фотографии Никитки и достал сигареты.

– Будешь?

Я отрицательно покачала головой.

– Чего так?

– Бросила.

– Ну и правильно, – кивнул Сэм, прикуривая. Он затянулся и поглядел на меня тяжелым, оценивающим взглядом.

Ненавижу, когда так смотрят! Точнее, когда Чадов так смотрит. Такое ощущение, будто он все время ожидает от меня какой-нибудь пакости и пытается ее предупредить. А с чего, спрашивается? С самого первого дня, как я в Лог вернулась, Сэм относится ко мне с каким-то враждебным недоверием. Хотя, я, вроде, ничего плохого не делаю, живу тихо-мирно, никуда не хожу, ни с кем особо не общаюсь. Дом да работа – вот и все места передвижения. Ну еще в город изредка выбираюсь. А этот... Врага какого-то во мне видит.

– О чем ты хотел поговорить? – открыв книгу учета, уставилась на мелкие строчки. Они расплывались перед глазами, но я упорно пялилась в них, пытаюсь сосредоточиться на цифрах.

– Знаешь об охотниках?

Чадов глубоко затянулся. По кабинету поплыл горький дым, и у меня запершило в горле.

– Тех, что ищут оборотней? – перелистывая страницу, уточнила я. – Да, слышала.

– Они могут появиться в поселке, – глухо сказал Сэм.

Я подняла голову, с удивлением глядя на невозмутимого Чадова. Тот поднес сигарету ко рту каким-то странным, немного дерганным жестом, и это настолько выбивалось из обычного поведения безопасника, что я насторожилась еще больше.

– С чего ты так решил?

Я смотрела в некрасивое жесткое лицо и чувствовала, как беспокойно становится на сердце. Черт! Своему чутью я привыкла доверять, оно меня еще ни разу не подводило.

– Бродят слухи, – неопределенно ответил Сэм. – На всякий случай постарайся быть настороже. Сейчас, конечно, не сезон, экскурсии редко бывают, но, сама знаешь, береженого бог бережет.

Чадов снова придавил меня тяжелым взглядом. Я почувствовала, как волосы на шее встали дыбом. Твою дивизию! Чего он на мне свою силу показывает?

– Постараюсь, – хмуро ответила волку. – Что-то еще?

– Это все, – поднимаясь, ответил Сэм.

Он пошел к двери, но на пороге остановился.

– Скажи Никитке, чтобы на улицу без нужды не высовывался.

– Все так серьезно?

– Инга, не иронизируй. Сделай, как говорю.

Чадов развернулся и вышел, а я осталась сидеть, раздумывая над его словами. Вообще-то, Сэм не зря волнуется. Охотники – реальная угроза нашего мира. Сколько существуют оборотни, столько же существуют и охотники. Мы – две стороны одной медали. Звериная сила и ловкость одних уравниваются отменным чутьем и способностями других. Черное и белое. День и ночь. Мы

даже в устройстве иерархии похожи, и у нас, и у них она одинаковая: Совет, в который входят самые сильные и уважаемые; военные:десятники, боевики, разведчики, охранники; и особняком стоят одиночки. В случае охотников – идейные. А у нас еще и мирное население добавляется. И именно из-за этого мирного населения у волков связаны руки. Попробуй повоюй, когда на тебе женщины и дети, которые должны жить в безопасности.

Я подперла щеку кулаком и задумчиво уставилась в окно. В воздухе кружились снежинки. Медленно, плавно, красиво... К вечеру опять сугробы наметет, и дорога до Лога превратится в непроходимое препятствие. Может, это и неплохо?

Мысли вернулись к тому, что сказал Чадов.

Если кто-то из охотников пронюхал о нашем поселке, это беда.

Может, Сэм ошибся? Чужаков у нас не бывает, разве что экскурсии в музей приезжают. Да и те, в основном, местные, из района. А в сам поселок посторонним вход закрыт – частная охраняемая территория. Волчий Лог у нас что-то вроде элитного поселка для богатеньких, как думают в округе. А что? Хорошая легенда. Места красивые, заповедные: лес, речка, озеро, чистый воздух. Где ж еще уставшим от суеты столицы «олигархам» жить? А то, что в поселке не одни миллионеры живут, так это никого не касается.

Я захлопнула книгу, поднялась из-за стола, сменила сапоги на рабочие туфли и вышла из кабинета. Нужно было проверить новую экспозицию. Вчера мы выставили на специальном столике отреставрированный чайный сервиз, но у меня осталось ощущение какой-то незавершенности. Будто чего-то в нем не хватает.

– Доброе утро, Ирина Николаевна, – войдя в зал, улыбнулась смотрительнице.

Невысокая худощавая оборотница в ответ торопливо кивнула. Седые волосы, стянутые в низкий узел, красивый шерстяной платок на плечах, прямая юбка и удобные туфли – Хрусталева выглядела типичным музейным работником. Да она и была таким работником. Она даже жила при музее, в маленькой сторожке у ворот, и почти не покидала усадьбу, оставаясь и смотрителем, и сторожем, и завхозом. Работал у нас и официальный сторож, Кузьмич, но на того надежды было мало. Вроде и хороший мужик, но запойный. Как нахлынет на него, так,

считай, потерял из списка живых на неделю. Но ведь жалко дурня, не выгонишь – у него в Сосновке сноха-вдова, а у той трое мальцов, всех кормить нужно.

– Залы в порядке?

– Да, Инга Яновна. Зоя полы помыла. Сказала, послезавтра придет. Оно и правильно, посетителей сейчас нет, грязь носить некому.

Хрусталева поправила сползающие с носа очки. Зоя тоже была из Сосновки, соседней с Волчьим Логом деревни. И тоже одна тянула семью, в которой было двое ребятишек и парализованная бабушка. Я и взяла-то своих деревенских сотрудников только потому, что тем деньги нужны были так же отчаянно, как и мне когда-то. И Егора уговорила. Альфа не хотел чужих брать, опасался, что те могут что-то неположенное увидеть. А что тут увидишь? Усадьба от Лога в двух километрах стоит, у нас тут ничего «неположенного» не бывает. Я грустно хмыкнула. Не музей, а общество помощи одиноким бабам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rossi_deliya/volchiy-log

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)